

БОРИС АЛМАЗОВ

ТРОЙНОЙ ФРОНТ

СОЛДАТСКИЕ РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Александрович Алмазов

Тройной фронт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69848146

SelfPub; 2023

Аннотация

Расказы участников Великой Отечественной войны и рассказы о первых годах послевоенной жизни.

Содержание

Фронтовики	10
Кавалерия ходит по прямой!	19
Орден	21
Казак Полторашапкин	25
Про секс и его последствия	29
Про награды	32
Атака в конном строю	35
Военные потери	38
Кавалерия – род войск особый	42
Первый немец	48
«Выучка прославленного Книги»	53
Таллинский переход	58
Морпехи	72
Невский пяточок	74
Евгений Петрович Чуров	77
Война	79
Отец	82
Я пошел работать	83
Рыба	85
Моя мама на войне	86
Сначала была Финская	90
Доброволец	93
«Траншея не Чека»	97

Такая работа	100
Папа	104
Вот и не верь снам	109
Депортация эстонцев	113
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Борис Алмазов

Тройной фронт

«Мы все – войны шальные дети» – говорится в песенке Окуджавы. Он, конечно, имел в виду свое поколение – мальчиков, попавших на фронт со школьной скамьи. А я думаю, что войны шальные дети – это мы – дети фронтовиков. Те мальчишки – солдаты – довоенного воспитания. А мы выросли на военных развалинах, на горьком опыте сиротства, на рассказах фронтовиков. И до сих пор нет для меня святее звания – фронтовик. Это особые люди – русские солдаты, – независимо от воинского звания и – русские солдаты второй мировой. Фронтовики – души моей строители! Как когда-то о своих наставниках сказал замечательный писатель Борис Шергин.

Все дальше от нас то время. Все меньше сходства, в теперь уже исторических, фильмах о войне с теми солдатами, кого я видел в детстве.

Тысячи мелочей, какие невозможно воспроизвести, складываются в большое неправдоподобие... Правда, наверное, его современный зритель не чувствует. Не сравнивает же он то, что видит, с кинохроникой.

А солдаты второй мировой сильно разнятся с тем, как изображают их в нынешнем кино.

Вся армия была острижена наголо. Короткие волосы (на толщину спичечного коробка), разрешалось носить только сержантам и офицерам. Поэтому, когда из под ушанки или пилотки точат волосы – кинематографическое вранье. Затылки были у всех бритые. Все были худые. Загорелые до черноты тощие шеи оттенялись белоснежной полоской подворотничка от линялой чертовой кожи гимнастерки. Гимнастерки были совершенно выцветшие с заплатками на локтях, а некоторые даже со вставной спиной иногда гимнастерка была застиранной до белизны, а вот эта вставка цвета хаки.

Когда солдаты раздевались, например, чтобы искупаться или на утренней гимнастике обнажались по пояс, то тела у них были сметано белые с багровыми или синеватыми рубцами шрамов и запятыми пулевых ранений, а шеи и кисти рук коричневые или кирпично красные от загара.

Никаких трусов у солдат не было. Они носили белые бязевые кальсоны с тесемкам, которыми завязывали кальсонные штанины у щиколоток, и белые рубахи без воротников. На эту исподнюю одежду офицеры натягивали суконные галифе – узкие до колена и широченные в бедрах и кители «в облипочку» с негнушимися дощечками погон, и покрывали голову фуражкой, примерно, в одну треть той высоты в тулье, как нынешние. Сейчас это просто кивера, какие то! Они замечательны те, что в них воевать совершенно невозможно. Да и на парадах их ветром сдувает.

Но чаще офицеры были в ХБ. Точно такой же одежде что и

солдаты. Ну, может быть, чуть подправленной мастеровитым старшиной по фигуре. Солдаты же были в холщевый штанах «со слоновьей задницей», и простеганным поясом чуть не до середины груди, подвязывались эти штаны тонким матерчатым ремнем с маленькой зубастой пряжкой, а сзади в поясе был разрез с маленьким хлястиком, или завязками, чтобы можно было подогнать пояс по размеру. (А все размеры укладывались в четыре номера.). На ногах у солдат были огромные растоптанные ботинки с заклепками, а дальше обмотки. Длинные полоски ткани, которые превращали ногу до колена в некое подобие ствола пальмы с годовыми кольцами.

Зимой поверх гимнастерки надевался короткий стеганный ватник.. Одежда ставшая знаменитой в Европе. Но почему то модельеры позабыли , что стеганный ватник это , так сказать – подкладка, потому он и назывался телогрейка. Поверх нее надевалась шинель, особенного серого цвета, на крючках, со складкой и хлястиком на спине. Если это хлястик расстегнут, то шинель становилась широченной как палатка. Солдаты, таким образом, ухитрялись и ложиться на нее, и укрываться той же шинелью. Шинель под грудью, именно под грудью, а не на поясе (на пояс ремень перетянули под сумки, гранаты, фляжка и т.д.), перетягивалась ремнем с одношпильковой пряжкой. Бляхи со звездой появились позже и поначалу были только у сержантов. И ремни у них были из кожзаменителя.

На стриженной голове солдат летом носил пилотку разляпистую, как раскисший пирожок, а зимой шапку ушанку с серым искусственным мехом бесформенную как пельмень. Зимой же у солдат были трехпалые рукавицы. Считалось, что указательный палец в этой рукавице выделен, так сказать, в отдельную фракцию, чтобы было удобно стрелять. Но этот отдельно существующий указательный палец, как правило, не влезал в магазинное ухо, что ли ... ну то место, где размещался спусковой крючок и его не чувствовал, а в перчатках руки отмораживались...

Сразу после войны сроки службы были другими. В пехоте семь лет, во флоте – девять. Так что, были солдаты с проседью на стриженных головах.

А как они пахли! Боже мой! Это самый добрый самый главный запах моего детства. Русские солдаты пахли здоровым крепким мужским потом, махоркой, хлебом и наваристыми щами с тушенкой

Они умели все. Не было ничего надежнее и основательней «дяди солдата».

Завидев широченную, на тонких кривых ногах в огромных ботинках, с соломиной штыка за правым плечом, фигуру, даже маленькие дети переставали плакать и успокаивались. Дядя солдат защитит, не даст обидеть, спасет, накормит.

А дядя-солдат всегда носил в бездонном кармане вторую ложку и, если рядом был ребенок никогда не ел один. Ко-

телок был либо на двоих. Либо солдат курил самокрутку и молча смотрел, как едят дети. А потом оттуда же из широкой штанины доставалась газетка, разворачивалась, и в ней оказывался кусочек колотого сахара с прилипшими махоринками. Сахар бережно обдуживался и протягивался ребенку.

Я ни разу не видел, чтобы солдаты грызли сахар или клали его в чай! Ни разу! Сахар отдавался ребенку. Первому встречному. Любому. «Дитю»

– Дядя – солдат, а ты как же?...

– Да я уж, так уж... У меня от сахара зубы болят... Давай ешь! На здоровье! Расти большой, не будь лапшой.

Да святится имя Твое, Русский Солдат!

А о войне они либо вообще ничего не рассказывали, либо рассказывали смешное... Это теперь, я понимаю что смешно было.... До слез!

И я попробовал записать некоторые рассказы. Так как слышал. Слово в слово. Потому что тех солдат больше нет... И мое поколение – последнее, которое их помнит. Мы еще можем вспоминать, те, кто за нами будут «реконструировать»... Если, конечно, это им будет еще интересно.

Фронтовики

Скобарь с колом

(рассказывает майор запаса Николай Александрович Климушин)

Я – скобарь настоящий! Из Старой Русы. И ничего в этой кличке обидного нет. В Псковской области болотное железо добывали в древности. И псковичи ковали всякий скобяной товар, который на вес золота шел! Вот во время монгольского ига, специальные железные набеги были! Железо драть! Гвозди там, петли дверные, скобы. Вот что такое скобарь! Кузнец значит, оружейник...

Ну, и драчуны, конечно, скобари-то. Земля – пограничная, потому и дрались свирепо. Не случайно говорят: «скобарь с колом – страшнее танка».

Перед войной сильно на улицах дрались, видать войну чувствовали. Но я то домашний был. Учился хорошо. Как раз десятый класс закончил, выпускные сдал и... война. Отец сразу, в первый день пошел. Сразу, как по радио передали, что война, собрался. Посидели, чаю попили, и пошел... Мать даже и не плакала еще. Ничего еще сообразить не успела. А дня через три и я наладился. Добровольцем. Собрал мешок.

– Ну, говорю, мам, ... Я пошел.

– Куда-й то?

Она как раз стирала. Они, бывало, как с отцом поругаются, так она сразу – стирать... И тут три дня уж как в доме стирка.

Я говорю

– Как куда? На войну, знамо! – (Ох, и дурак был!)

– Я те дам на войну! – а в руках у нее не то отцовские кальсоны, не то простыня какая-то. (Откуда у нас белья столько образовалось? Может, она по второму разу все стирала, по третьему?) ... И она мне этой простыней или кальсонами по роже, по спине, по роже, по спине. «Я те дам войну! Я те дам... Вояка нашелся!». Я от нее на чердак и лестницу за собою поднял. Она села на крылечко и плачет. И мне ее так жалко сделалось. Сижу, думаю «Ну, не попаду на войну и ладно. Лишь бы мать не плакала».

А через две недели. А может и раньше. По радио, по-нашему местному: – «Враг у порога! Все мужское население – к оружию!» Испекла мне мать ватрушку. Как раз на весь мешок. Ну, бельишко собрала, закинула себе мешок на плечо, меня – за руку, повела в военкомат. Куда денешься? Враг у ворот.

Я то, дурак, все руку вывернуть из ее ладони хотел, зазорно мне, что меня мать ведет за ручку. А она держит крепко! Не оторвать... Горячая рука такая, маленькая и горячая...

Пришли в военкомат, а там уже винтовки раздают, по две гранаты... и бегом за город. Хорошо еще – в другие ворота

вывели, а то бы и мать за мною следом побежала. И сразу в бой!

Ну, мы то ладно – дураки! Так и немцы тоже! Мы – в штыки и они в штыки! «Грудью встретим врага!». Они с грузовиков прыгают и тоже на нас. И в долинке такой, как начали драться!

А я то, солдат, называется! Стрелять из винтовки не умел, гранаты взводить – бросать не умел, и пока бежали, штык потерял!

А тут такая мясорубка! Я как под наркозом! Хожу как малохольный. Ну вот, как во сне, натурально. Куски какие-то помню. Фрагменты. Тут один сидит – из головы мозги текут. Который по земле ползет из него кишки волочатся... Спасибо дед один, красногвардеец бывший, в кожане с маузером, как мне по роже даст: «Ты, говорит, что в театре?» Ну, я, маленько, опомнился. Да и немцы отошли, и мы. С горошки жители бегут – своих искать, раненых тащат. И мама моя тоже, бежит. Я – «мама, мама», а она как безумная сделалась. Насилу сообразила, что это я...

Ну, нас построили, в казарму какую-то привели, переодели в форму. А по военному делу – ничего. Я, правда, штык нашел, не свой, а какой-то... Ну, нацепил – снял, научился штык примыкать... Хожу это, как придурок, по казарме со штыком. И сразу на глаза командиру попадаюсь. Он меня и еще одного, такого же дурака, посылает к мосту на пост. Ну, мы идем.

Я этому кирюхе говорю:

– Слушай, а вот интересно, вот выстрелим мы, а дальше что? Как новый-то патрон вставлять? Он тоже не знает! В общем, кинофильм «Два бойца»!

Поперли на мост! Я вот, сейчас, думаю, ну как же мы тогда не соображали, что охранять то мост нужно не на мосту! А около моста. Замаскировавшись. Нет, брат, стоим на мосту, в воду поплеываем. Нас не то, что из поганого ружья, нас из рогатки перестрелять можно. Но, говорят, дураков Бог бережет! Про всех не знаю, меня берег!

Бегут бабы с колами, с вилами, волокут немца – парашютиста. Откуда он взялся? Я про устав то и слыхом не слыхивал! Чего делать мне неизвестно! Бабы кричат: веди его в штаб! Ну, я петушком, петушком:

– Ах, ты, – говорю, – гад! –и затвор передернул. У меня патрон то и выскочил. Нестрелянный! А кирюхе показываю: – Смекай!

Тот обрадовался, давай затвором клацать, все патроны выкинул. Новую обойму забил! Довольный, что перезаряжать научился. Немец – здоровенный такой, он бы нас одной левой, но тут бабы кругом – порвут на части! Стоит глазами лупает, ресницы как у свиньи белые. И сам белый как бумага стал – думает, небось, что мы его расстреливать собрались. Примериваемся, как бы, значит... Ему и невдомек, что мы вояки то никакие! Схватил бы у нас винтовку и пошел, чего бы ему сделали? Два сопляка, да бабы.

Я то через три годочка в такой же ситуевине оказался, так я этих гитлерюгендов да фольксштурм две улицы с одним колом гнал. Тоже решили, что меня в плен взяли! Это еще неизвестно, кто кого взял! И автоматы у них поотнимал! Ну, так это уж в конце войны! Тогда то меня можно только арт-обстрелом или бомбежкой добыть, а так то я бы от всего увернулся! Всю войну на передовой, четыре раза раненый! Я на пулемете мог любую мелодию выстукать как на барабане. Трах так тра та тах! Хоть пляши! А они на меня автоматы да винтовки наставили! «Хенде хох!» Я те наставлю!... Ну да, это уж когда! Это я уж ротой командовал! Мне уж двадцать лет было!

А тут то первый день. Привел этого козла в штаб. Меня майор за ручку поздравил! В новинку тогда было немцев то в плен брать! Ну, я раздухарился! Иду обратно – красноармеец! «Малой кровью, скорым ударом! Завтра в Берлине шампанское будем пить!» Ох, дураки, были!

Ночь отторчали у этого моста, сменились, поспали маленько. Каши с тушенкой поели. Чаю, с ватрушкой моей, попили! Ведут на позицию.

Приходим. Как раз за спиною монастырь! Мне командир говорит:

– Вот те телефон, лезь на колокольню, будешь огонь наводить. Я попер! Дурак дураком. Где выстрел увижу, сразу в трубку: – Батарея противника! Я там столько батарей насчитал, что, наверно, на всем фронте столько у немцев не име-

лось.

А что толку то от моего наблюдения – все равно у нас артиллерии нет и отвечать нечем! А то бы я понаводил! Уж я бы боеприпасов пожег не меряно!

Тут вдруг, в полной тишине, отваливается кусок стены и колокол мимо меня, как в замедленном кино, летит. И так тихо – тихо сразу сделалось... Из ушей кровь. Слез с колокольни. Все – оглох! На меня все смотрят, точно я с того света вернулся. А я весь в известке, как мельник в муке. Оглянулся – от колокольни половина осталась, как я на ней уцелел до сих пор не понятно. Сижу. Контуженный.

Тут опять волокут шпиона – мужик, местный, столбы подпиливал, чтобы связи не было. Мне командир знаками растолковал, велит идти с ним, со шпионом, в тыл. Ну, я винтовку за спину и пошел. Иду и все думаю, что же это я отвоевался? Что ж я теперь глухой буду? Вдруг этот шпион, как подпрыгнет! Оказывается, я за спиной винтовку-то рукой вертел, в задумчивости, она и выстрелила! А я и не слышу. Он на колени упал и мне на винтовку показывает. Я ствол понюхал – точно выстрелил! И такое меня зло на этого мужика взяло. Ах, ты, сволочь! Столбы подпиливал, а я вот глухой теперь! И чуть я его в расход не пустил! Были у меня такие поползновения.

А теперь думаю, а может он и не виноватый был! Был ведь приказ – столбы пилить, чтобы немцам не достались! Может он, наоборот, помочь хотел.

Ведь на войне то самое страшное не артобстрел и не бомбежка и не голодуха, а то, что жизнь человеческая дохлой мухи не стоит! Жил Максим да и помер Максим, ну и хрен с ним!

Однако, и этого довел и в госпиталь пришел. Врач мне ватки в уши вставил. Отправили обратно. Пока шел, чуть к стенке не поставили! Попал на патруль. Хорошо я с винтовкой, а документов то никаких и ничего не могу растолковать – глухой! Ну, думаю – все! Больше от своих ни на шаг! Самое главное понял, надо на войне своих держаться!

Тут-то меня и ранило! Да позорно так. Осколком в пятку! Вот, брат, ахиллесова пята! Притащился на эвакуопункт. Сестра, пожилая, мне осколок вытащила, перевязала. Лежу. Тут пиздрик прибегает, докторишка! В очкариках студент сраный! «Что у этого? – Да все уже сделала! – Разбинтуйте! Я не видел!» Кино нашел! Разбинтовали!

Как у меня пошла кровь хлестать! Еле остановили! Но ослабел очень! Привезли на поезде в Ленинград (еще поезда ходили) пластом. Ну, а через два месяца, как раз блокада закрылась, подлечили и на Ораниенбаумский пяточок. И я там до прорыва блокады. Два раза, правда, еще зацепило, но не сильно. Я из госпиталя назад, почти, что сам, сбежал! В городе то и страшнее, и голодуха. А на фронте все же полегче. Да и дело есть, то в разведку, то на снайпером... А в городе в госпитале, что сидеть смерти дожидаться! И отвычка начинается! Пополнение придет ночью, смотришь, а к вече-

ру их уж и нет никого – все побиты. А мы, кто с самого начала, все живы! Ну, кто из пополнения уцелел, тот воевать будет. Тут ведь всему не научишь. Вот придет, придурок какой молодой с ускоренных курсов офицерских: «В атаку!» А у них там пулемет содит! Ну, из пополнения то и встают, ... Ленту не слышат! А по ленте-то, по звуку, слышно: какая часть идет! Ты – подожди четверть минуты, у него лента закончится, он пулемет перезаряжать будет – вот и вставай. Тут уж жми как на стометровке! Пока он тык – пык, а уж мы траншею взяли! Потом он, конечно, опомниться, у нас назад траншею отобьет. Что Кронштадт из орудий доставал, то и можно было держать, а дальше – нет! Силенок маловато.

Ну, и мы им прилично вкладывали! Но если бы не наступали по- дурацки, так и у нас потерь бы мало. Так, выползешь куда поближе, а как раз винтовки привезли: стволы в резине, так она и бьет почти неслышно. Выпасешь немца. И первого то не наповал, а так подранишь, чтоб орал. А вот второго или там третьего ... Этих – влет! И не горячиться, а сразу отходить. Три выстрела из одного места – сразу минометом накроют!

Ну, а потом офицерские курсы, у меня же десятилетка за спиной, потом в Германии оставили служить. До майора дотянул. Домой два раза ездил. Мама оккупацию пережила. Состарилась... А отец без вести пропал. Говорят, они, вообще, в бой без винтовок шли! «Добудете оружие в бою!» Ох, и дураки, были! Мясом останавливали, ясное дело. А что по-

делаешь? Война не гулянка. Об жизни дело шло. Об России.

В пятьдесят третьем мама умерла, а меня и хоронить не отпустили! Вишь, ты в Германии тяжелая обстановка, в связи со смертью товарища Сталина! Так что уж на могилку-то к маме только через два года попал. Ну, соседи, спасибо, все управили. Оградку там, крест. Как же без креста-то? Не собака лежит, чай... Мама Богу веровала крепко! И молилась крепко. Потому и жив. Вымолила меня. Молитвенница моя... Вот живу теперь.

Кавалерия ходит по прямой!

Я прочитал имя отчество и фамилию врача-венеролога и толкнул дверь его кабинета.

– Первый раз у нас? – спросил, поднимая красивую седую кудрявую, аккуратно причесанную, голову врач, – Ну что ж... Лиха беда начало.

Перед ним на краю стола выстроились одинаковые двухсотграммовые баночки с анализами мочи. Лево́й руко́ю раскрыв мою историю болезни, правой он взял одну из них, глянул на меня ласковыми серыми глазами, провозгласил:

– С почином вас! – и со вздохом отхлебнул.

– Но в истории болезни ничего нет, – сказал он, изучая мою карточку, – Ну что вы так взъерошились? Это – пиво. Не дают в жаркий день благочестивому человеку пивка выпить, без отрыва от производства, заметьте, ... Вынуждают идти на обман. А где мы прячем соломинку? В стоге сена. Здесь разница только в том, что у меня в это в этой банке пиво до употребления, а в остальных банках после... В чем ваше несчастье?

– Да вот вторую неделю хожу...

– Ну, голубчик... Это вам без привычки тяжело. Морально. Болезнь как болезнь, не хуже других. Тем более вы – юноша и холостой. У меня тут старичок в 85 лет сподобился. «Я вызывал «Невские зори» помыть окна. И вот теперь имею

удовольствие за 189 рублей 56 коп.» – изобразил он неведомого мне старичка. – Внешне сетует, но горд без меры. И вообще это такая же необходимая человеку функция, как есть, пить и спать...

– Я вторую неделю не работаю с конем... У меня лошадь застаивается! А врач не разрешает... И диагноза не ставит...

– Как?... – доктор изменился в лице, и серые глаза его увлажнились. – Как? В Ленинграде еще есть лошади?! Боже мой! Голубчик! Дорогой мой! Я же бывший командир эскадрона! Сабельного эскадрона. И были еще и пичные, с пиками... Я – мастодонт. Осколок прошлой эпохи. Боже мой... А болезнь вашу я мигом исправлю. Но в следующий раз в чем мать родила коня не купайте. Коня положено купать, пребывая в сподниках или хотя бы в трусах, во избежание ваших последствий. Конечно, мой коллега догадаться не может. Он же в кавалерии не служил... И вообще как говорится «штафирка».

И началась с этого момента наша многолетняя дружба и мой непрекращающийся восторг перед человеком, кому выпала страшная доля быть на фронтах Великой Отечественной кавалеристом.

Орден

– Помните у Бабеля в пьесе «Закат» есть брат Мишки Япончика – Левка гусар. Так вот это я. Правда папа у меня не биндюжник, но в том смысле как Левка там говорит: «Если еврей – гусар, таки он уже и не еврей!»

Я вырос Питере, ходил в дом пионеров. Ах, какая там была комната сказок! Палехские мастера расписывали. А я ходил в клуб «Дерзание». Что, вы тоже? Замечательно. Мы были помешаны на Пушкине. И вдруг, говорят, что мы все мальчишки из клуба будем сниматься в фильме «Пушкин»! Как раз накануне юбилея. Мы чуть не всего Пушкина наизусть! По Евгению Онегину – семинар! Приехали в Царское село и целый день по лестнице Камероновой галереи бегали. Оказывается, играли ноги лицеистов. Я потом кино смотрел – очень талантливо сыгранны ноги, но, к сожалению, которые мои – не определить.

Война началась, я – студент. И в октябре.... Уже с продуктами было очень плохо. Я как раз прибежал домой, проститься.... И папа заторопился, «мне надо в больницу, в больницу....» И ушел. И свою котлетку из сушеной морковки мне оставил. Я только потом заметил. В блокаду он умер. А меня на барже через Ладогу. Очень бомбили. И в Тамбовское кавалерийское училище. Через три месяца – лейтенант. Вы ж понимаете – за три месяца можно научиться отличать, где

у лошади голова, где хвост, но не уверенно...

Еду на фронт. Купил бурку. Хороший револьвер обменял на маузер. Полный идиот! Этот маузер постоянно заклинивало. Лошадь, вы не поверите, сивая. Сколько лет не определить. Но я то – в бурке с маузером на белом коне! Медный всадник! Полный Чапаев!

Пока в вагоне ехали еще ничего. А выгрузились, я повода не выпускаю – боюсь коня потерять. Прибыли на передовую. Растолкали кого – куда офицерами связи. Являюсь к командиру полка. На передний край. Естественно верхом – боюсь коня потерять. Идет бой. Всем не до меня

Командир говорит:

– Куда же мне тебя девать? Кавалерии уже никакой нет. Слушай, скачи воон туда. Там батарея минометная без офицеров. Я уже двоих посылал – не дошли. Снайпер сшибает по дороге.

Я коню – шпоры. А шпоры купил заказные – как у мушкетера. Хожу из за них в раскорячку. Но Бог дураков бережет. Я предполагаю, что у снайпера винтовка была в станке – рассчитывал на ползущих. Он же не ожидал, что какой-то идиот на коне поскачет. В общем, я доскакал. Стоят четыре миномета в ложбинке за горкой. Первый раз в жизни вижу минометы. Командует батареей сержант.

– Какие будут приказания?

А я, ну, же полный идиот, я – рассуждаю логически:

– Что ж говорю, вы тут за горой спрятались. Вам же не

видно куда стрелять! Давайте на гору.

Выперлись на гору. Сержант говорит:

– Товарищ лейтенант, я угол менять не умею. Я всего второй день воюю и, вообще, я – радист, а не минометчик.

Но я же на белом коне! Доскакал! Мне море по колено!

– А ну, – говорю – киньте парочку ваших штук!

Поприкинул по разрывам – пальцы уголочком развел... «Выше, ниже, давай-давай...» Над нами немецкая артподготовка. Вся за гору. Нам хоть бы что!

Только угол миномета в мои пальцы веером вписался, немцы в атаку идут: танк, два бронетранспортера и, как потом выяснилось, до батальона пехоты. И нагло так идут. Они же знают, что тут никого! А все что за горой – артиллерия смолола! Ну, я подождал, пока они подойдут, куда наши мины падают, и, естественно, на белом коне шашкой отмахнул:

– Огонь!

Как ни удивительно, очень удачно. И танк горит. И бронетранспортеры – мордой в землю, и весь батальон – всмятку. Все поле перевернули, как вспахали! Тут связной прибежал – «Отходить». А у нас и мины кончились. Идем обратно – гордые! Я на белом коне впереди! Проходим, где под горой до меня батарея стояла – там живого места нет. И все ящики пустые, что мы оставили, в мелкие щепки!

– Видите, – говорю, – придурки, что бы с вами было, если бы мы на горку не поднялись!

В штаб приехал – с коня не слезаю! Докладываю: так и

так...

Командир полка – аж трясется!

– Вот что, голубь мой, сизокрылый! Орден я тебе дам, но к минометам, чтобы близко не подходил... Твое счастье, что немец, который тебя ловил, очень грамотный военный... Он все перемолол, где ты мой стоять... Но ему в голову придти не могло, что ты минометы на гору вытащишь и вниз стрелять будешь.

Как ни странно, орден дали. Так что, когда я в кавалерию влился, был я уже орденосец. А кавалерия подошла специфическая. Казачья добровольческая сотня непризывных возрастов. Старики. Я как увидел, как они на конях сидят, быстренько сообразил, что мне тут со своим орденом лучше помалкивать.

Построились. В седлах чуть ли не чай пьют. Ну, родились на конях!

– Отцы! – говорю, – Врать не буду. Воевать не умею.

– Видим, – говорят, – сынок. Хорошо, что сам сказал. Ты за нами примечай да поспешай, вот оно и ничего будет.

Вот так и воевал. Так и наступать начал, и донаступал до Самарканда. Там пополнялись. Разумеется, в основном, узбеками. Да ничего. Ребята, как ребята. Сложно отучить их ногами болтать, а то едут на конях, как на ишаках...

Казак Полторашапкин

Среди пополнения он выделялся тем, что приехал не верхом, а на подводе с сеном, запряженной двумя лошадьми, одной строевой, другой обозной и, кроме трехлинейки времен гражданской и шашки, коими были вооружены почти все старики, имел новенький немецкий автомат. На мой вопрос – где взял? Ответил коротко:

– Отнял.

Через два дня как-то так вышло, что он стал моим ординарцем. Старики заметили мимоходом:

– Пушай – ко он, товарищ лейтенант, при вас лично со-стоить. Казак он исправнай. Бой понимаить. Ежели что, – ня выдасть. А для строя не очинно гожий – карахтерный больно.

Так Полторашапкин стал моим, как тогда говорили, ординарцем, и жизнь моя фронтовая резко улучшилась.

Во-первых, никаких забот о коне. Полторашапкин никого к коням не допускал и как мне кажется, будь его воля, и мне бы на коне ездить не разрешал. Во всяком случае, на мою кавалерийскую посадку он смотрел с нескрываемой тоской.

Во-вторых, я всегда был сыт. Уж полсухаря, а всегда он мне в руку сунет. А так – на пятнадцать минут остановимся – он, обязательно, горячего принесет, хоть кружку кипятку, а добудет.

В третьих, одежду всегда высушит, заштопает. С присловьем: «офицер должен быть исправен!» Слова «командир», как и «красноармеец», «боец» он не признавал, только – «офицер» и «казак».

Я говорю:

– Полторошапкин, я, например, еврей, пол взвода у нас узбеки, какие мы казаки?!

– Ежели, – отвечает, – вы ленты на кальсоны понашивали и в кавалерии служите, стал быть, говенные, но казаки! Стремитесь! Старательность являйте. Абизательна!

– Значит, мы теперь с тобою оба – казаки?

– Ты меня с собою не ровняй! Ты, в казаках служишь, и все. Война кончится и каждый из нас при своем окажется.. Я, как был казак, так и остануся, а ты и узбеки твои – наоборот.

За глаза он меня звал «Мой». «Пойду моего кормить. Обратно, нябось, исть хочеть!», «Надоть моему переказать» и, наконец, очень строго: «Никак невозможно. Мой осерчаить. Строгай!»

Жил я при Полторошапкине, как у Христа за пазухой. Однако, вызывает меня командир полка и говорит:

– Лейтенант, почему у тебя дед долговязый все время пьяный!

– Никак нет. Не замечал.

– Обрати внимание и немедля пресеки.

Вызвал Полторошапкина.

– Командир полка говорит – ты все время пьяный.

– Не пьяный, а выпивши. Разница. У меня ревматизма.

Лечусь.

– И как?

– Помогаить.

– Я спрашиваю: доза какая?

– Румочка. Румочка утром и, равномерно, в обед и вечером...

– А где взял?

– Мое.

Ну, я по наивности и успокоился. Через неделю командир.

– Разобрался, почему у тебя ординарец пьет.

– Он, товарищ командир, лечится, пожилой, ревматизм.

Так, по рюмочке... Организм ослаблен.

– Ослаблен? Да ты видел эту «рюмочку»? Мы бы с тобой от одной рюмочки на тот свет отправимся! Оба!

Вызываю Полторошапкина.

– Неси «рюмочку».

С большой неохотой приносит некую емкость: у бутылки шампанского отпилено доньшко и, неизвестным науке способом, припаяно к горлышку. Петровский «Кубок орла», одним словом.

– И ты это можешь выпить?

– Когда выпиваю, когда тюрьку накрошу, ... Смотря по погоде. От жары – выпиваю, в холод – тюрьку толку.

Оказывается, на той телеге, на какой приехал Полторошапкин, под сеном укрывалась немецкая бочка со спиртом

и он, «для ради обчей исправности организьмы», три раза в день к ней прикладывался. «По румочке».

Разумеется, я наорал на Полторашапкина. Приказал немедленно пьянку прекратить! А спирт уничтожить. Об исполнении доложить!

И Полторашапкин доложил об исполнении. После чего погрузился в непроходимую мрачность, длинно по коровьи вздыхал и глядел на меня с укоризною.

К счастью, приказание он выполнил наполовину. То – есть выпивать перестал, но спирт не уничтожил. «Хучь расстреляйте – рука не поднялася». И слава Богу. Скоро этот спирт выручил меня.

Про секс и его последствия

Когда мне рассказали: как лейтенант кавалерии, вроде меня, приехал командовать эскадроном, который только что расположился в Н-ком населенном пункте на отдых, и приказал собрать и построить казаков, а старшина завопил: «Товарищ, комэск! Как же я их соберу! Мы уж два часа здесь! Они все на бабах!». Я воспринял это как анекдот.

Но очень скоро сам стал свидетелем еще более лихой сцены. В станице Клеткой, битком набитой кавалерией, ночью раздаются выстрелы. Хватаем оружие, в полной темноте несемся на выстрелы.

Вылетаем к колодцу. Представляете, как выглядит в октябре, в распутицу площадь у колодца, где поили коней два кавалерийских полка!... Зажигаем фонарики и видим у сруба с журавлем, как говорил В.В. Маяковский, «двуполое четвероногие» в стадии полнейшего экстаза. Старшина кавалерии сверху. Причем, в момент множественного оргазма, дама вопит: «Да здравствует кавалерия!», а старшина салютует из маузера. Вот, можно сказать, «Сцена у фонтана»

В этой станице, с помощью местной учительницы, что была меня старше лет на пятнадцать – двадцать, и я утратил девственность, причем, когда после двух суток страсти я, садясь на коня, и выступая на фронт, в лучших романтических традициях клялся ей в любви и преданности, она улыбнулась

и сказала:

– Да. Думаю, ты меня долго вспоминать будешь...

Вспоминать я ее начал, в соответствии с анамнезом гонореи, через три дня!

В полном ужасе, я, разумеется, обратился к Полторашапкину. Он исследовал предмет и со вздохом добавил.

– ...Ишо и мандовохи!. Ну, эта дела ерундовая – момент дегтем выведем, а вот с триппером – хуже. Но способ есть. Даже два. Перьвый ты не стерпишь! Да и галоши каучуковой у меня нету.

– Зачем галоша?

– Важнейшая снасть. Но чистейший каучук нужен! Где взять?! Война! Во всем недостаток!

Способ, надо полагать – чисто фольклорный, даже в рассказе поражал. Предлагалось зажать больной орган, в какие либо тиски, например, дверью, и лупить по нему каучуковой галошей, чтобы «выколотить микроба».

Доведя своим рассказом меня до предсуицидного состояния, Полторашапкин утешил:

– Есть и медицинский способ. Яво ня знаю.

Выматывающая душу психологическая многозначительная пауза.

– Кум знаить. Кум в соседнем полку ветфельдшер... Он это дело пользуется.

Еще одна пауза.

– Но тока за спирт! А я, как докладал, приказанию спол-

нил в точности... Спирта – нету.

– Что теперь делать! – и мне уже мерещился госпиталь и разжалование, и штрафбат...

– Попробуем, что либо сделать для вас ... Бум искать!

И кум Полторашапкина за три литра спирта, легко меня от последствий секса избавил, правда, радикальными, старинными, ему ведомыми, вероятно, ветеринарными средствами.

С тех пор Полторашапкин продолжил свое лечение «румочкой», правда, в меньших дозах, а в наших отношениях мы достигли консенсуса. То есть, он никогда не выпивал у меня на глазах и даже от предлагаемой выпивки, при мне, всегда отказывался, а я делал вид, что забыл про утаенную бочку спирта.

Возможно, тот случай стал стимулом для моей нынешней медицинской специализации. Это был перст судьбы.

Про награды

Доктор, как всякий настоящий фронтовик, трескучего официоза про войну не выносил. Однажды я попал с ним на торжественный вечер, где некий бодрый товарищ, гремя завесью юбилейных медалей бодро рассказывал, как наша армия пошла туда-то, захватила –то –то, нанесла удар там-то... Венеролог смотрел на него и становилось зримым старинное присловье «как солдат на вошь». Долго сдерживался, но все-таки сорвался. Когда докладчик предложил задавать вопросы – поднял руку.

– Извините, пожалуйста, – спросил он максимально елейный голосом – Вы, я так понял, в Генеральном штабе служили?

– Нет, товарищ, – сказал докладчик, быстренько расшифровав орденскую колодку доктора, – я служил в пехоте.

– В звании, генерал-лейтенанта?

– Ну что вы, товарищ, хо-хо... Скажите тоже... Я – сержант.

– Так хрен ли ты, сержант, знать мог, куда наша армия пошла!... – заходясь, пророкотал доктор, – Что ты кроме спины впереди идущего видел! Я в конной разведке служил, шестьдесят километров по фронту освещал и то ни черта понять не мог... Начитаются генеральских сказок.. Мать – перемать!...– едва я доктора из зала вывел.

Употребив стакан водки, и несколько отдышавшись, доктор грустно сказал:

– Господи! И врут то все как-то однообразно! Ты его медали видел? Самоварное золото. Хоть бы одна беленькая «за кровь». «Отвага» там или хоть «За боевые заслуги», а то все «массовое награждение»... Латунь! И юбилейные брошки... Он, небось, к фронту ближе ста километров и не подходил. И, вообще, ну что солдат может видеть и понимать?...

Вот мы форсировали Донец. У меня восемь узбеков замерзло. Через сутки форсировали обратно. Еще пятнадцать... В обоз забьются и замерзают на телегах. В седле то не замерзают! Так валятся с седел на телеги. Их и нагайкой гонишь, и по всякому... Никак! Сам то еле ногами двигал. Вот тебе и операция, и героические жертвы... А после войны прочитал, что мы, оказывается, закрывали кольцо окружения армии Паульса, герои Сталинградской битвы, так сказать... Медальки получили «За оборону Сталинграда». Вот и сравни мою медаль и морпеха, что в городе дрался... Медали одинаковые, а весят по-разному. Конечно, я в этом не виноват, но берхатъ-то зачем?... Совесть нужно иметь.

Мало что брошек налепили, взяли и честную награду обгадили... Орден Отечественной войны. Второй степени. Взяли и дали всем! Да что ж это такое! Я за эту вторую степень целую ночь отстреливался... А тут, всем! За то, что уцелели? Так что ли?

Пошли в прорыв. Рейд по тылам. Села брать. Самое для

кавалерии дело. Снег по брюхо, метель. Мы то братья, а он не отдает. Потыкаешься в оборону, артиллерии нет, как возьмешь? И обратно в степь. Кто село взял – тот в тепле ночует. Стимул. Утром выходишь из хаты, кони, как собаки, на задних ногах стоят, соломенную крышу доедают. Сами как скелеты, и мы не лучше...

А тут наскочили на румынскую кавалерию. Они по параллельной дороге в село рвутся. Кавалерия – равный противник – счастье! Но они с обозом, с пушками. Не в счет! В атаку! А снег глубокий. Мне в коня – снаряд малого калибра! Я как Мюнхгаузен на ядре. Но результат много хуже: ногу зацепило и в живот. «Комеска убило! Комеска!» И ушли за румынами. Я валяюсь. Голову поднял – птичка фьют! Прямо около уха. Румын – метра в полста, тоже, видать, раненый. Он – в меня, я – в него... Потом он стрелять перестал. То ли я попал, то ли он кровью истек. И уж под утро только меня Полторошапкин нашел, санитарам отдал. И еще трое суток в обозе на телеге подыхал, пока к своим не вышли, да в госпиталь не отвезли. Отвоевался! Вот за это – вторая степень! А теперь она у всех! Тьфу!

А румын – молодец. Солдат. До последнего дрался. Молодец. Ничего не скажешь...

Атака в конном строю

Доктор с тоскою в серых глазах развенчивал мифы.

– Какая там атака в конном строю! «С клинками на танки!» Не ходили с клинками! Не так все было! Да врут все в кино! Идиоты, что ли? Да и поляки, наверняка, строем на танки не ходили! На конях на танки шли! Это правда. Но с гранатами! Тактический прием! Дорога в один конец. Это – безусловно.

Пехота отступает – зацепиться не может. Танки по пятам. Гонят как баранов. Давят и все... Не дают окопаться. А степь. Да еще как бильярдный стол ровный кусок. Рощицы торчат кое-где. Командир полка вызывает:

– Возьмите коней похуже, а людей получше... Добровольцев. Если будут...

Получилось семнадцать человек. В рощицах стали. Как танки мимо ползут, как боком станет – полным наметом и связку гранат под гусеницы. С гранатами! А не с клинками. Два танка сожгли. А было девять. Семь назад попятились. Испугались. Не стали рисковать.

И часов десять не наступали. Ждали пехоту. А потом пехота впереди танков пошла. Автоматчики. Тут уж танки никак не взять. Но пехота окопалась. Успела. Вот и зацепились. Так что не зря... Хуже нет, когда зря...

А в конную атаку я ходил один раз. На Украине. Сплош-

ного фронта с траншеями и проволокой нет. И вот, в рейде, взяли село ночью. Метель метет. Ни черта в двух шагах не видать. Под утро прилетает немецкий связной на мотоцикле и прямо к штабу. Часовой узбек – ему все начальники. Нарочный влетел в горницу, все офицеры за столом, ему сразу пистолет ко лбу. В сумке депеша срочная. Начальнику гарнизона: «Приготовиться к приему румынского кавалерийского корпуса».

– Ну вот, – говорит комдив, – он их завтра и встретит! На том свете...

Такое только в кино бывает. Их – корпус. Нас – два полка неполного состава. Решили румын брать на льду реки. У румын кони кованы плохо. Такая полуподковка полумесяцем – только на зацеп. На льду как коровы. А мы на шипы перековаться успели, по – зимнему.

Стали затемно по обоим берегам. Дождались пока весь корпус с обозами, кухнями и пушками на лед выползет, и, по ракете – вперед!

Это рассказать нельзя! Они клинков вытащить не успели. А я еще на берегу одного офицера за приметил – бурка на нем белая, красивая... Я то все на нее целился. И доскакал! Шашкой – рраз по коню! Два – по коню! Три – по бурке! Как в замедленном кино! Четыре – по каске. А он медленно так поворачивается и в глаза мне глядит... Ужас!

Когда при мне врать начинают про конные атаки, я контрольный вопрос имею: что бывает когда человека шашкой

рубят? То-то и оно...! В человеке кровь под давлением – она из под клинка кисточкой вверх выскакивает! Фонтанчиком таким... И в лужу...

Меня затолкали, крупами оттеснили.... А все как во сне... Зажмурился. Открыл глаза. Узбека рядом рвет. Лед, от берега до берега, цвета клюквенного киселя и дымиться... В тумане всадники проплывают. Не дай-то Бог! «Упоение в бою...» Как припадок... Это, брат, не пушки наводить... Оно же еще и парит... воняет... жуткий такой тяжелый дух, жирный...

Нашему комдиву за этот бой Героя дали.

Но так из кавалеристов- то в конном строю мало кто в атаки ходил. Не верь.

А перемололи! Был стотысячный корпус кавалерии, за войну двадцать раз провернулся... Два миллиончика душ. Вот так, брат. А коней еще больше чем людей жалко. Не дай-то Бог!

Военные потери

– Очень хочется напиться, – сказал доктор, – чувствую приближение запоя. Со мной бывает. Редко, но бывает. Говорят, евреи не пьют. Это так же верно как – то, что мой дедушка распял Иисуса Христа. Лично. ... Тем более, я же предупреждал: еврей – кавалерист – уже не еврей!

А причина есть. Вчера пришел ко мне посетитель.

– Здравствуйте, товарищ комэск. Вы меня не помните? А я вас помню...

Инвалид. Нет стопы. Говорит, что прибыл с пополнением. Я их принимал. На станции выгружались ночью. Утверждает: конь заходил, толкнул его под идущий поезд – отрезало ногу. Вот сорок лет ищет, кто бы мог подтвердить, что он потерял ногу на фронте. Иначе не дают военную пенсию. Просит подтвердить, что я очевидец происшествия. Принес какие-то бумаги... Они, без подтверждения, веса не имеет.

– А вы его помните?

– Как я могу его помнить, если я его даже не видел?! Ночь была. Смутно помню, кричали, что кто-то под поезд попал. Помню: докладную писал, что при разгрузке пополнения потери – один человек.

Думаю, он не врет. Он же меня разыскал. Фамилии называет – с кем в поезде ехал. Некоторых я помню, действительно, пришли после боев под Сталинградом с пополнением.

Так что он на станции, скорее всего, был.

Другое дело, как он под вагон попал. Может правда: – в суматохе затолкали. А может, сам ногу под колесо сунул.

Вот тебе коллизия. На фронте он не был ни одной минуты. Но если бы его на фронт не везли, он бы и калекой не стал! Пользы от него – ноль.хлопот – море. Его же в тыл отправлять, ему койко-место в поезде нужно, в госпитале, врач, медперсонал, транспорт и прочее. Не скрывает – полгода особисты трясли: – как под вагон ногу сунул. Еще повезло – могли такое припаять! Вплоть до «вышки»! В штрафбат же он не годен. А может, пожалели – ноги то у парня, все равно, нет. Вот тебе и фокус – ветеран войны, жертва войны, военная потеря...

Нас было три друга. Вместе Тамбовское кавалерийское закончили. Вместе на фронт. Вместе на пополнение в Самарканд. Там долго кувыркались. Привезут узбеков, они по русски «папы мамы» не говорят, даже паровоз никогда в жизни не видели. Начинаешь его учить верхом ездить по-строевому. Семь потов прольешь – вроде выучил, а он возьмет да уйдет. Родственники из деревни приехали, он с ними ушел. Мы старались сразу – то шум не поднимать. Погуляет – придет. Они, в большинстве своем ребята наивные, и ощущения войны у них еще нет. Но неделю – нет – приходится докладывать. Если бы он, действительно, дезертир был ... Так он бы в часть не возвращался! А тут через неделю другую является. Его под арест и приезжает гнида из особого отде-

ла. Уроды, тыловые! Как правило, морда нерусская, нестро-
евая! В очечках! Из под козырька стеклышками посверкива-
ет. Макаренко такой – мать его... Воспитатель. Ну, извест-
ное дело – расстрел перед строем. И всегда сам в исполнение
приводит! Садисты чертовы!

Этот, придурок, ну дезертир – стоит ничего не понимает,
улыбается. Его ба-бах! Да еще и мимо – ранит только. По-
дойдет и добьет! Скотина.

Ну и что? Семью кормильца лишил! И пенсии им не бу-
дет. Армию солдата лишил! Зачем я его воевать учил. Все
был лишний ствол да клинок в строю был. Нет, вот надо –
приговор! Надо в исполнение привести... Идиоты.

Так вот я про друзей. Миша из Москвы в Самарканд жену
вывез. Только перед войной женился. Единственный среди
нас женатый. Жена на шестом месяце. Нас на фронт. Он за-
ехал на квартиру – проститься. И мы тоже с ним. Посидели,
выпили. Жена старается держаться – чтобы ребенку не по-
вредить, не плачет.

Вышли на улицу, Улица может единственная в городе бу-
лыжником мощеная, так то все грунтовые. Стали садиться.
А нам сапоги выдали второй очереди. У все подошва под-
бита новая. Это для кавалерии – смерть! Сапоги чинишь –
с каблуком подошву отрывай! Чтобы цельная была! Чтобы
между каблуком и подошвой не за что зацепить...

У Миши конь рванул – нога в стремени. Зацепился по-
дошвой этой гребаной! Так затылком по булыжнику и по-

ехал! И не воевали, а похоронили. Дитенок еще не родился, а батьки – нет! Мы жене, как могли, помогали. Хороший мальчонка вырос. Она так после войны замуж и не вышла больше.

Вот те и боев нет и потери. А Саша еще хуже. Изрубили румынский корпус. Сами уцелели! Едем впереди. Победители! Сзади бричка с трофейным оружием. И повар на бричке на горе пулеметов. И черт его надоумил пулемет немецкий ручной вертеть. Хотел, видите ли, посмотреть, как он разбирается! А он заряжен! И как дал очередь. В меня мимо, а Сашу наискось спины! Как я тогда этого повара не зарубил, не знаю! Саша стихи хорошие писал, собирался после войны в Литературный институт подавать... Может это Пушкин был новый или Есенин... Да хоть бы и не поэт!

Вот тебе и военные потери! Охxxx...

Этому то я, конечно, справку подписал. Да, не помню, я его, конечно,.. Но ноги то нет! Воевать то его везли! Что ж он виноват, что так получилось! А если сам придумал – Бог ему судья. А я не вправе! Пусть хоть пенсию получит человеческую. И вообще... Как не крути он же жертва войны... Хотя все мы жертвы. И кто погиб, и кто уцелел, и кто в тылу... Все.

Кавалерия – род войск особый

– Вы же не будете спорить, что конный спорт – штука особая, – сказал доктор. – Вот именно. Потому что это единственный вид спорта, где успех зависит не только от человека. Единственный вид спорта, где главное не спортивный снаряд и мастерство спортсмена, а живое существо. Трепетное притом и ранимое! Изуродовать лошадь – как нечего делать!

Так вот я с большим удовольствием докладываю вам, что примерно так, как конный спорт отличается от всех других видов спорта, аналогично кавалерия отличается от других родов войск!

И вчера я обнаруживаю еще одно доказательство!

Тут попался мне в руки том документов «Нюрнбергского процесса». Жена «Как ты можешь такое читать!» Женщине сложно понять, что чтение не всегда занятие для удовольствия. Что, например, приятного в книге «Полевая хирургия» или там «Вирусные инфекции», а читаешь, и много прилежнее, чем, скажем, «Анну Каренину».

Так вот докладываю: в немецкой армии во всех родах войск были эсесовские части. Ну там, танковая эсесовская дивизия «Мертвая голова», «Викинг». Если не ошибаюсь, горно-стрелковая «Эдельвейс» и т. д. Эти названия довольно известны. В армии эсесовцы выполняли роль гвардии, но

если б только это – никто бы слова не сказал! Но они ухитрились так, с позволения сказать, отличиться, что все эсесовцы, решением Нюренбергского процесса – военные преступники. Но! Но за исключением эсесовских кавалерийских дивизий! А таких было две.

О чем это говорит?! О том, что в кавалерии сохранялся военный благородный дух, который не позволял кавалеристам безобразничать и совершать преступления. Наоборот, как отмечается в материалах следствия, эсесовцы-кавалеристы помогали мирному населению и даже защищали его от других воинских частей в случае проявляемого теми произвола.

Факт сам по себе поразительный. И я его истолковываю двояко. Во – первых, кавалерия всегда была элитным родом войск. В ней служили самые привилегированные аристократы. Вот эти обломки империи и оставляли кавалерийский офицерский корпус, а они, что такое честь мундира, знали не понаслышке. И гражданина Шикльгрубера, он же Гитлер, презирали и ненавидели.

Конечно, хотелось бы отметить облагораживающее влияние коня! Это во – вторых. Я для себя объясняю это так: коня не пожалеешь – не сносишь головы. И в уходе за лошадьё, да что там за лошадьё, за любой скотинкой, до хомячка включительно, вырабатывается милосердие, оно же гуманизм.

Или я не прав? Возможно, и не прав. Возможно. Но только во втором случае. Что же касается традиций и высокого

нравственного настроя, называемого честью – это я еще застал. Разумеется, в кавалерии это было! И во всей армии было! Было! Не без налета романтизма, конечно! Так кавалерийская служба вообще требует романтизма. Точнее сказать, жеста, слова! Одно дело по радио по бумажке речь вычитывать, и другое пред строем, когда под тобою конь пляшет: «Товарищи бойцы! Кровавый фашист терзает нашу многострадальную Родину... Беспощадно!... До последнего вздоха! Умрем!». И умирали... И не только от пули и снаряда. От дистрофии, например, от воспаления легких... Но слово говорилось и поступок совершался!

Должен вам заметить, что я не большой любитель художественной литературы. Как то , знаете, и профессия не та, и вообще... Иногда читаешь и так стыдно делается. Вот почитал «Архипелаг ГУЛАГ» – сложная книга. Впечатляет. Но как дочитал, что в Новочеркасске приказ стрелять по безоружной толпе отдал Иса Плиев, тут меня сомнения и взяли.

Господину Солженицыну Плиев – сталинский сатрап и тому подобное прочее, а мне он – командир. Как это не романтично и театрально звучит, а я с ним на смерть ходил. Я ему верил и верю! И хоть меня на куски режьте, а не переубедите, что мой командир, кавалерист, осетин, а как вы знаете, среди них самое большое в СССР число Героев Советского Союза – тоже кое о чем говорит, мог отдать такой приказ. Я думаю, что господин Солженицын не в курсе дела. Не исключаю, что такого приказа вообще никто не отдавал! Когда

многотысячная толпа прет, и перед ней оказывается цепочка солдат с оружием – стрелять будут обязательно! Я вас уверяю!

Вы мне приказ покажите! Письменный! Докажите, что это не фальшивка! А его нет, и быть не может, потому что не было, и не могло быть! Нет такого приказа, и в природе не было. Плиев бы застрелился! Вот это вполне в кавалерийских традициях. Вышел под знамя и в висок! Перед строем!

А вот что было! Город Могилев освобождала кавалерия в конном строю! Подумать – умом повредиться! Это историческая загадка. Этого не могло быть! Но было! И освободили! Так вот по случаю юбилея ветеранов этой дивизии, а их на т от год оставалось еще в живых человек пятьсот, приглашают на торжества. Начали мы ради праздничка, костыли полировать и зубы вставлять. Все же переписываемся, все знаем... Хотелось встретиться, повидаться, может перед смертью в последний раз. Старые же уже все.

А незадолго перед Днем Победы от партийных властей города Плиеву депеша:

«Можем принять только сто двадцать человек. Отберите самых лучших. Героев.»

и в ответ телеграмма от Исы

«У нас других не было!»

Вот что такое Иса! Вот что такое кавалерия!

И никто не поехал! В Москве встречались в ресторане Подкова, на ВДНХ.

А тут хоть и писатель известный, а чуму какую-то написал! Обгадить человека легко! Но это факт иллюзорный! К золоту грязь не пристает!

Вот мне человек пишет: «Здравия желаю, дорогой товарищ комэск! Докладаю, что жизнь моя течет без перемен. Все бы ничего, но приближается старость! На будущий год – 85 лет! И многое в жизни уже не прельщает. А как бы хорошо умереть в рейде! Среди наших боевых друзей – товарищей. И военные наши годы вспоминаю всегда со слезами. Как было хорошо душе... Преданный вам всем сердцем до гробовой доски, старшина вверенного вам эскадрона.....»

Как думает, так и говорит, а как говорит, так и пишет... Конечно, по нынешнему – глупость! Оно все глупость, с точки зрения «бизнеса», разумности этой идиотской. Вот приходит узбек, приводит еще таких де пятерых. Переводчик докладывает: «Отец и четверо сыновей. По всей дивизии отыскал – просятя вместе служить.» Я говорю: «– Ребята! Вас же в бою или под бомбежкой всех положат одним снарядом! Ты то, батя, мать мальчишек пожалей – пусть хоть один на развод останется, домой вернется, семя и потомство даст. Вас же специально в разные подразделения растолкали, чтобы хоть ктонибудь уцелел. Чтобы шанс вам дать!» Упрутся как бараны. В пол глядят. Только одно и долдонят: «Атэч хачу, бират хочу! Месте хочу. Месте харашо. Адын пилох».

По европейской, по американской, нынешней логике, по прагматизму этому, мать его..., – полные идиоты, по мне так

– наоборот! И логика тут другая! Правильная, между прочим! И воевали! И хорошо воевали. Погибали – так вместе, а и не погибали – тоже вместе! Все так и есть – «Адын пилох!»

Вот как, брат! А вы говорите «театральность»! «Романтизм»! «Фальшь»! А вот уберите все это, как идеологический и вредный мусор – и жить не для чего! Мы так жили, так верили. Искренне! Все остальное, нынешнее – вот это фальшь. Тогда то, как раз, была правда!

Первый немец

(рассказывает ветеринарный фельдшер Алексей Лобов)

Я с детства очень любил животных, ну, и родился в сельской местности к тому же. У нас свое хозяйство было, корова, овцы, куры, собаки, кошки уж не считаю. Коза. Свиньи. Поросята. Все как положено. Я с животными возился, мечтал ветеринаром стать, и папа с мамой мой выбор одобряли. На селе ветеринар да агроном – первые люди.

Закончил семилетку, закончил ветеринарный техникум. Даже год поработал в колхозе. Потому, что года мои не выходили еще на фронт идти. А потом, конечно, пошел. Попал в конную артиллерию. Даже очень хорошо – ветеринаром, по специальности. Но у нас по штату, госпиталей, как в кавалерии, не было. Поэтому дело мое было лечить лошадей, а если что – выбраковывать. Конечно, нужно было пристреливать, но мы этого не делали. Мы раненых и больных лошадей оставляли населению. Если, конечно, животные не заразные. Наступать же уже начали. У меня, знаете ли, никогда ни на корову, ни на лошадь рука не подыметя. Я же – лекарь, а не мясник.

А в деревнях то, как лошадям радовались! Вся техника на фронте, на себе пашут. Бабы по три, по пять человек в плуг

впрягаются и пашут. Мы, конечно, если где хоть дня на два останавливались – всех ездовых лошадей в запряжку. И кто мог за плугом ходить – на пахоту или нам на косьбу, плуги да косилки в селах оставались... Хотя немцы все вывозили. Все буквально. Они народ экономный.

А лошадь оставляешь в деревне, хоть больную хоть раненую, ее только что не целуют. И вылечат обязательно. Я однажды, смотрю лошадь в плуге как – то странно идет. Присмотрелся, а у нее вместо путового сустава протез деревянный. Ну, как в деревнях мужики одноногие себе колоду вместо ноги делают. Вон ведь даже как! И ничего, потихоньку, а пашет. И жеребенок тут же под боком. Ноги то у нее нет, а жеребиться то она может! Стригунок – то хороший. Здоровенький.

И даже, если, скажем, совсем животное безнадежное – все равно оставляли. Пусть деревенские прирежут, да хоть мяса поедят. Тут такой голод – уж не выбирали, какое мясо. Прежде то русский человек ни за что бы конину есть не стал, а тут – выбирать не приходится. У нас вон мусульмане тушенку американскую ели – это же свинина. А что поделаешь – война. Ничего Бог простит.

Командир дивизиона был очень хороший. Пожилой. Все понимал. И держал меня при штабе. И все писари у него – бывшие агрономы. Сберегал сельскохозяйственных специалистов.

– У меня, говорит, Леша, две задачи. Гитлера победить и

тебя к родителям живым и невредимым доставить... Моих – то уже не вернешь. (У него в Смоленске погибли все.)

Вот раз проломили фронт. Пошла кавалерия в прорыв. Мы за ней пушки потянули. Конница от нас оторвалась. Мы с обозом приотстали. Но они знают, где мы – порыщут по тылам и к нам вернуться. Так что мы идем спокойно. Занимаем село.

Это быстро. Раз-два выстрелы хлопнут, если в селе немцы патрульные или полицейские, и все...

Заходим во двор – мотоцикл и немец убитый валяется. Мы – в дом. А в Белоруссии – знаете, главное в избе – печка. Да и у нас тоже. Но там огромная комната и посреди печь, и вся жизнь вокруг печи образуется. Вся мебель по стенам. Вот мы пошли вокруг печки. Командир с одной стороны и с другой. Он – пожилой и у него нога раненная – хромал – идет медленно, а я быстро. Я за угол печки заворачиваю, а там немец с автоматом! У меня в руках, на всякий случай, пистолет. Немец, так резко ко мне поворачивается – а у меня реакция то хорошая, я ему сразу в лоб – бах... Он и грохнулся.

Командир выскочил. Присел над немцем.

– А ведь ты, говорит, Леша, мне жизнь спас. Да и всем нам, – за ним писаря толпою, – Будет тебе медаль.

Ну, тут все писаря меня поздравляют, хвалят. Немца того, прямо на половичке, во двор вытащили.

Легли спать. Впоевалку. А разучились в домах то ночевать.

Трубу не закрыли. Под утро все выстыло. Просыпаюсь – от дыхания пар идет. А ребята храпят – хоть бы что.

Я к печке сунулся – трубу закрыть. Ну, это так – рефлексивно. Потому что ее же опять сейчас открывать надо – печку растапливать. А у заслонки – с той стороны, где я шел – сапоги стоят.

Ну, того немца. Меня как ошпарило. – Вон, думаю, почему он не убежал – без сапог был. Босой.

Вышел во двор. А темно еще, еле – еле рассветает. Пошел к поленице дров набрать. Дерг-дерг за дровину, а она не поддается – дернул сильнее, а это нога – босая. Наши дураки – немца на поленицу закинули. Хотя не дураки – правильно. Хозяева вернуться, когда – никогда, – закопают его гденибудь. А так псы растреплют, и будет по всему двору вонять.

Поленица невысокая мне этого немца всего видать. Лежит – глаза открытые. И маленькая дырочка между бровей – сзади то разнесло все, а лицо цело. И молодой парень – наверно мне ровесник. И мне так нехорошо, вот именно, стыдно как – то стало. Пошел я в хату, взял сапоги, вернулся во двор, стал немца обувать. Зачем, сам не знаю. И плачу, как будто это меня убили...

А сапоги не лезут, даром, что голенища широкие. Ноги то заостенели. Мертвый ведь немец. И ничего теперь уже не поделаешь...

Тут мя за плечо командир наш трогает – на крылечко покурить выходил. Тоже и ему не спалось.

– Что ты, говорит, ревешь, сынок...

– Зачем, – я говорю, – стрелял! Можно же было на него кинуться – повязать. Я вон какой здоровенный и ребята бы помогли... Я теперь вот он мертвый.

Командир затянулся, прямо со стоном, точно чего-то из козьей своей ноги вытянуть с дымом табачным хотел.

– Ну, попленил бы ты его, говорит, а дальше то его куда?... Мы же за линией фронта. В тылах. Тут пленных быть не может...

Наложил мне дров охапку.

– Эх, говорит, Леша, тяжелая это дело – людей убивать. На взгляд то просто – чик – и нету, а кровь то она вопиет от земли... Оно, конечно, война. А так, по человечеству, по совести, то есть, – убивать нельзя. Никак нельзя. Оно убийство то даром не проходит. Ежели ты, конечно, человек.

А потом у печки сидим, на огонь смотрим. Он и говорит – Ты Леша – счастливый человек. Совестьливый. Дай Бог тебе на войне не оскотинеть.

А под Берлином наш командир дивизиона умер. Привалился в окопе, как бы задремал и не проснулся. Инфаркт. Разрыв сердца. Устал человек. Да и возвращаться ему было некуда. Погибли все. Хотя – мог бы он, например, со мной в деревню поехать. Папа и мама его бы, как самого родного, приняли. Жил бы с нами. Меня то вскоре после победы отпустили домой, как специалиста сельского хозяйства. И его бы отпустили, по возрасту. Пожилой ведь...

«Выучка прославленного Книги» (рассказывает Юрий Николаевич Свидин.)

«В тот вечер в посадке Колесникова я увидел властительное равнодушие татарского хана и распознал выучку прославленного

Книги, своевольного Павличенки, пленительного Савицкого

И. Бабель. Конармия. Рассказ «Комбриг два».

Мой отец – Николай Свидин – (потомок знаменитого кубанского казачьего рода, где одних генералов – конвойцев служило пять человек), в начале войны, попал служить к знаменитому герою гражданской войны, командиру из Конармии товарищу Книге.

Товарищ Книга прославлен не меньше, чем Буденный, Котовский, Чапаев, Щорс и прочие красные комдивы и комбриги.

Для отца служба у Книги была особенно важна. Несмотря на то, что семья пережила Гражданскую, рассказывание и прочие радости предвоенной жизни относительно благополучно, в общем-то, никого не расстреляли в период с 1918 по 1940, и отец даже сумел получить образование, и

работал технологом на хлебозаводе, никто не забывал, что он потомственный, родовитый казак, то есть из «чуждых». Поэтому сам призыв его в Красную Армию, в первые дни войны, когда еще никто не понимал, какая это война будет, воспринимался, как своеобразная реабилитация Свиных перед Советской властью.

Жили мы в Майкопе. Город южный, в прошлом казачий. Густая зелень садов, беленые или красно-кирпичные стены одноэтажных домиков... Когда наши первые пошли на фронт, весь город высыпал на улицу. Боже мой! Как плясали казаки, когда шли от военкомата к вокзалу! Какая была наурская лезгинка! И отец плясал лучше всех! Я помню до мельчайших подробностей тот день, и даже запах пыли, и острый треск барабана и пение зурны, вскрики, гиканье и посвист танцующих и плеск ударяющих в такт ладоней....

– Асса... ать, ать, ать, ать....– и отец мой кружится, как черный вихрь, взлетает на носки, падает на колени, неустойчивый и прекрасный, как Бог победы.

Многие тогда думали, что сталинская конституция, снявшая с казачества клеймо врагов народа, и вот этот призыв на войну – новая страница нашей жизни. Что все кровавые годы геноцида казачества, были ошибкой и мы тоже дети России, и Советская власть оценит наше боевое мастерство и нашу преданность. Мы вновь выслужим славу!

К великому огорчению отца, прославленный товарищ Книга, узнав, что отец работал в пищевой промышлен-

ности, забрал его из взвода разведки и сделал штабным поваром. Отец писал, что для него мучительно ловить на себе косые взгляды казаков, готовить к штабному столу роскошные обеды и отыскивать всевозможные местные деликатесы и крымские вина. Однако, он не ропщет. Служба есть служба. А служить у прославленного героя Гражданской войны – честь и большая ответственность. Слова «крымские вина» были подчеркнуты и мы догадались, что отец в Крыму. Потом письма приходят перестали.

Отец вернулся через год после войны, из плена, без ноги. Про войну он ничего не рассказывал, а когда однажды, при нем упомянули товарища Книгу, побелел, и его затрясло...

Перед самой смертью, тогда он тяжело умирал от рака, он передал мне свой дневник, вернее не дневник, а послевоенные записи, что начал делать под старость. На войне дневники категорически запрещались! И рассказал, что когда немцы начали наступление в Крыму, и когда стало понятно, что Севастополь не удержать, начальство хлынуло в бега на кубанскую сторону.

Уходили воровато, тайно, бросая десятки тысяч бойцов и призывая их к сопротивлению! «Ни шагу назад!» – относилось к рядовым и младшим командирам, к тем, что в большинстве своем не отступили, верные присяге и сложили головы, в Севастополе, по всему Крыму, в Керчи или в Аджимушкайских каменоломнях...

Вероятно, были офицеры и высших чинов, что разделили страшную судьбу своих однополчан. Но проставленный товарищ Книга к их числу не относился.

Отец, исполнявший должность скорее не повара, а ординарца, находился при нем неотлучно. Когда ночью они вышли к морю, где штабы спешно грузились на катера и баржи, он догадался, (старался глазам своим не верить), что командование бежит, бросая армию на произвол судьбы и на милость победителя.

Отец все время повторял: «Ковры грузили. В палатке всегда расстилали на землю ковры. Еще товарищ Книга любил повторять, как это мудро ханы татарские придумали – коврами устилать в шатрах землю. Командир катера кричал, что корабль перегружен. «Бросайте барахло!» Но все равно, – коврами завалили всю палубу, и катер сильно огрузнел. Можно было еще рискнуть и взять на борт несколько человек. А если ковры выбросить, то десятка полтора раненых, что лежали рядами на носилках и просто на земле, прямо около уреза воды».

Отец уж, было, собрался прыгнуть с берега на палубу, по уставу, следуя за своим командиром, да и по дружбе, какая, вроде бы, сложилась. Товарищ Книга постоянно хвалил отца, хвастал его мастерством перед другими начальниками, не забывая повторять: «Николай из Свидиных! Из прославленного рода!» Но в этот раз товарищ Книга, сказал:

– Николай, а где полевая кухня?

«Какая тут, к черту, кухня, и на что она! Людей грузить некуда, а тут кухня!»

– Это же вверенное тебе военное имущество! Что под трибунал захотел? Вернись за кухней.

Отец поднялся на откос и оттуда оглянулся. На куче ковров теснились, пестрея петлицами со шпалами и красными звездами на рукавах, товарищи командиры, а над ними сверкала бритая голова прославленного героя гражданской войны.

Когда через полчаса отец примчался на берег с пробитой осколками и негодной полевой кухней, катеров, конечно, и след в море затерялся.

– Ну что, – сказал тогда отцу, весь обмотанный, промокшими кровью, бинтами матрос: -сдал тебя твой хозяин! А ты эту сволоту кормил! Сколько волчару не корми, а он все сукин сын! – и стал хохотать. На губах у него лопались розовые пузыри.

Раненые еще до утра ждали, вглядываясь в море, что за ними придут транспорты, а потом все, кто еще мог ходить, решили пробиваться севернее, надеясь найти хоть что-нибудь плавающее, хоть бочонок, хоть бревно, и попытаться вплавь уйти на Тамань.

Но берег наши уже успели заминировать, и отец подорвался. Его взяли в плен, без сознания, а так бы он живым не сдался... Все-таки у него другая выучка, чем у прославленного красного комбрига товарища Книги.

Таллинский переход

Ни одного слова неправды здесь нет. Кому придется про-
честь пусть люди знают правду.

Автобиография

Я, Лёзова Анна Алексеевна (урожденная Воронина Анна Алексеевна) родилась 9/22 ноября 1919 г. в д. Вороновке, Путивльского р-на, Сумской области.

В 1938 г. окончила Путивльскую школу медсест – акушерское отделение, с присвоением звания акушерки.

В том же 1938 г. мы с подругой Екатериной Ивановной Смольяниновой уехали в Москву. У обеих у нас были отличные свидетельства об окончании школы.

Работать устроились в Чистопродную п-ку Куйбышевского р-на г. Москвы мед. сестрами.

В декабре 1939 г. во время Финской кампании была призвана в ряды Красной Армии Куйбышевским райвоенкоматом г. Москвы и работала старшей мед.сестрой эвакогоспиталя в Лодейном поле (Московская команда) Эвакогоспиталь был очень большой было три команды: Московская, Киевская и Одесская.

После окончания Финской войны, вернулась в Москву, поступила на работу 19.6.1940 г в качестве медсестры в поликлинику Войск НКВД СССР

3.1.1941 была откомандирована в распоряжение нач. гос-

питался 19 стр.корпуса Н.К.О. в Литовскую ССР.

22. июня 1941 г. началась война, в 4 ч. утра прибежал солдат и говорит: "Стар. сестра вас комиссар зовет в госпиталь" Иду. Комиссар Алябье Иван Митрофанович собрал нас и говорит: "Товарищи немец перешёл границу, ст. сестра разверните ещё 2 операционных стола, выпишите инструментарий и получите в аптеке" И в этот же день мы эвакуировались из Тельшая (Литовск. ССР)

Отступали...Треклятые гитлеровские фашистыбомбили нас нещадно.

Остпали Литву, Латвию и Эстонию наши три дивизиирастрепаны и уцелевшие прорвались на Нарву. Об этом сказал нам наш комиссар И. М. Алябьев: наш госпиталь и штаб корпуса отрезаныи прижаты к морю в Талли не.Вызвал меня и Асю Евсееву и приказал:"Тов. Евсеева и тов. Воронина, сегодня идет пароход Сибирь в Ленинград везет раненых, вы будите сопровождать раненых"

Вот 18.8 – 1941 мы вышли из Таллина. Прошли несколько миль, наш пароход шел подКрасным флагом – раненых везет. И по международному праву раненых не бомбят.

Но какие звери фашисты. И стервятник спустился на брющем полёте и бомба попала в каюткампанию. Кто там был погибли. Эвакуировалось и эстонское правительство – погибли в каюткампании.

Да я не написала из Таллина вышел большой караван судов: впереди шло 2 тральщика(очищали море от мин) потом

пароход Урал с грузами, и 3 – им шел пароход

Сибирь – вез раненых под красным флагом. По бокам шли вооруженные зенитками катера – охотники.

И беда была в том, что поднялся шторм 7 баллов. И наши охотники не могли из-за шторма маневрировать. Фашистские стервятники стали пускать зажигательные бомбы – пожар на корабле. В довершение стеньвятник спустился на бреющий полёт и бросил бомбу, которая попала в кают кампанию. Кто там был все погибли. Раненые легко стали прыгать в воду. Их подбирали охотники. В том числе прыгнула и я в море. А Ася Евсева спустилась в море по канату.

Но пароход не утонул, как работали моряки! Устраняли все, что выходило из строя.

Нас с Асей подобрали на катер. Да ещё забыла, когда фашисты бросили большую бомбу в кают кампанию, то в это время мы с Асей подставляли судно, одному раненому моряку с переломом таза. Ещё не написала забыла.

Когда содрогнулся пароход и загорелся, мы с Асей выбежали на нос. А загорелось то с носа. Загорелся мой халат но я сразу и прыгнула в море и никак не могу отплыть от парохода, ну тянет под пароход и баста!...

Но после первых налётов стервятников нам было приказано одеть спасательные пояса. И вот пробкавый пояс не дал утонуть. 18 августа, а какая холодная вода в Балтийском море!!! Руки и ноги сводила судорога. Волны огромные, как дом набегит-скроет, а потом выбросит. Вот так я впервые

увидела молру 18 августа 1941г. НЕ ласковое , а штормовое и проклятые фашисты поком они били по раненых. Об э том тогда писали в газетах. Ужас, какие звери. Да можно ли забыть? Можно ли простить?

Но вс же отбросило меня от парохода. А охотники бросают канаты, раненые хватают и поднимают моряки к себе. Эх, как бы я хотела на склоне лет встретить того моряка , который меня вытащил на катер Я чуть-чутьне угодила под винт, он бы перерезал бы. Но моряк так закричал и схватил меня за руку "Счастливая девчонка ты"

Рвота солёной водой, мокрые, холодные. Привезли нас на остров Гогланд, спасибо женщины жены офицеров, дали нам переодеться: рубашенку и старенькое желтыми цветочками платье Привезли нас в Кронштадт, потом в Ленинград.

А в Ленинграде уже прямая дорога Москва-Ленинград занята немцами. И только ещё по Вологодской ещё дороге окружной эвакуировали ленинградцев. Мы с Асей залезлив телятник и поезд тронулся. Мы голодные, ничего у нас нет. Но нен знаю почему-то у меня в руках был котелок. На одной из остановок я выбежала купить что-нибудь.В это время поезд тронулся. И уехала моя Ася!Можно представить мою горе, я бежала за поездом кричала,плакала и всё от него отставала. Мне был 22 год.Плюс к тому я была беременная. Ася родом из Ельца поехала она домой. Я же ст ою и горько, горько плачу.

На счатье Министерство нефтяной пром.перегоняли ма-

шины грузовые в Москву. Вяз меня водитель. И вот не помню через сколько дней я прбыла в Москву. Заболела попала в роддом и родилась 6 месячная девочка живая, пожила сутки и умерла. Оправилась. Выписала. И я решила ехать на свою родину в Путивль. Это было в сентябре. октябре числа не помню точно. Добралась до Курска. От Курска шла пешком до Льгова. Осталось до моего дома 80 км., говорят немцы в Конотопе. Это 40 км от Путивля. К немцам в лапы – нрет. И я вернулась в Москву. Праправильно ли я поступила не знаю. Если бы я пришла джомой. Моя школьная одноклассница подруга – Парфентьева Анастасия и комиссар партизанского отряда Колвпака – Руднев., мне бы быть с Рудневым и Парфентьевой, капают слёзы какие погибли люди! Я лично Руднева комиссара не знаю, но у его матери стояла на квартире, когда училась в Берюхе. От нас с Вороновки были речушки когда речушки разливались и ходить в школу было невозможно,. Вот у них то у Рудневыхмы и стояли недели 2 на квартире. Комиссара уже дома не было, он где то работал. А Костя его брат родной мой одноклассник. И когда после война мы встретились, я сталак спрашивать, ну скажи как погиб т вой брат и Анастасия при каких обстоятельствах? Ведь ты же был в его отряде. "Не знаю – погибли в Карпатах" Ох,Ох,ох... Это отступление.

Из Курска вернувшись в Москву, голая, голодная, босая напр. на родину мужа в Рязанскую обл. Спасский р-н дер. Старый Сот. Матери у моего мужа не было – мачеха. Отец

красивый, пожилой лет 75 дедушка. Встретил меня хорошо. Все смотрел и говорил: Боже мой, до чего же ты красивая. Ай да молодец Алексей, я его понимаю такую красавицу не упустил.

В январе 1942 года я ушла в Спасск в госпиталь работать медсестрой. Меня послали в Рязань на курсы по лечебной физкультуре и массажу. В конце декабря 1941 года мой свёкр получил извещение, что погиб его сын, а мой муж.

.....И личную жизнь. Все отобрала война. Была у меня подруга Клава такая милая, чистая добрая. Приблизитко мне в госпиталь. И принесёт мне кусочек хлеба или кусочек сахара. Дело не в хлебце и сахаре, а в её доброй душе.

Кроме неё мне не с кем не могло быть легче.

В общем никого я не хотела и ничего не надо. Вот я подала заявление о расчёте. И уехала в Москву 3 января 1943 года. Я прошусь в Куйбышевском военкомате г. Москву в действующую армию. Послали. Прибыла в 164 дивизию 33 армии – зачислили фельшером командного пункта. Дивизия была в обороне. Потом начались бои, взяли Спасск, Демьянск Смоленской области. Потери страшные. 3 командира полка: Стадник, Иванов, и вот не помню фамилии 3 командира.

Убиты были в этом бою зам. начальника sanit. службы дивизии Курушкин не помню его им.отч. выпускник Воронежской медицинской Академии. Умница, светлая голова!

Как то я доставляла в медсанбат солдата с острым аппен-

дицитом. Он спрашивает меня: "Что ему вводили" я говорю – ничего. А он а почему же ничего?

– Чтоб не затемнять картину. – говорю.

Он так добро посмотрел на меня и сказал "Умница девочка, молодец"

Убит нач. ветеринадной службы. , а вот фамилии я не помню Они были в одной палатке и прямое попадание бомбы в палатку. Такие ребята, какая жалость.

Это был июнь 1943 года.

(Орфография документа сохранена. Прим. Б.А.)

Камикадзе Морфлота

«На торпедном катере...к едрене матери!» – приговаривал мой первый редактор, когда я, еще обучаясь в институте, начал работать в многотиражной газете. В его устах это при словье имело особый смысл – в войну он служил командиром торпедного катера или даже целого дивизиона торпедных катеров.

Юрий Константинович – являл собою еще довольно рас пространенный, слава Богу, тип русского человека – коего к чем не приставь, то он и сделает! Да еще с блеском! В общем, «когда страна прикажет быть героем – у нас героем становится любой!»

Он сидел в крошечном кабинете, на столе у него стояла эмалированная табличка: на одной стороне было написано: «Ты по какому вопросу здесь куришь?», а на другой «Уходя – уходи!». Табличка поворачивалась к собеседнику раз-

ными сторонами и сильно помогала в работе редактора. За спиной на стене у него несколько табличек, неизвестно где добытых. Одна «Осторожно – злая собака» и от руки на стене приписано «и жадная!», табличка «На пол не плевать!» «Уважайте труд уборщиц!» Эмалированная табличка «Денег нет!» и плакат «Рабкор помни: что вымарано – то не будет освистано» – вот эту заповедь я усвоил на всю жизнь, что позволяет мне всю жизнь не ссориться с редакторами.

По утрам Юрий Константинович строил коллектив, включая машинисток, (в конкретном, флотском смысле) перед своим редакторским столом, надевал бухгалтерские нарукавники и доставал счета, перебирал бровями, свистел щербатым ртом (зубного врача смертельно боялся) и возглашал:

– Так. «Партийный отдел» – тысяча четыреста строк! «Дела профсоюзные» – шестьсот! «Спортивный» – двести... «На темы морали» – сто пятьдесят и кружка пива. «Для вас новоселы» – три совета, две картинки – двести строк, и т. д. – лихо щелкали костяшки на счетах, все казалось легко и просто.

Завершался утренний развод традиционными словами «У матросов есть вопросов? По местам стоять! С якоря сниматься! К четырнадцати ноль-ноль – любимый редактор пришел – удивился: – Газета готова!»

Юрий Константинович прямо со школьной парты пошел на фронт, закончил войну командиром не то дивизиона не то эскадры торпедных катеров. Как он говорил однажды, «силь-

но приняв на борт», «Наград – как у дурака семечек – образования – ноль, учиться при моих тогдашних чинах невозможно. «Кап два – в училище на первый курс? Не надлежит!»

Тогдашняя партийная власть сделала его «руководителем газеты». И очень скоро он стал замечательным руководителем! Он чувствовал полосу, как свою ладонь, сделать макет номера мог из ничего. В редакции держалась атмосфера веселой интеллигентной игры. В других редакциях – спивались. Но точила Юрия Константиновича единственная большая, и типичная для фронтовиков, беда – он боялся начальства. Наверное, тут играло роль и отсутствие высшего образования и воинская субординация, впитанная, фактически, с детства, и тягучий страх сталинских времен: «Слово не воробей – вылетит – поймают! И посадят!» и т. д.

И вот однажды, когда я принес очерк, где переврал девятнадцать фамилий из двадцати двух и готовился к увольнению, никакого разноса я от него не получил. Хотя он сам только, что вернулся из парткома и вытирал платочком потный лоб.

– Фамилии переврал? Только-то? Если хочешь знать, это даже украсило номер! Мы же кроссворда не печатаем! Ты бы видел, как газету с прилавков рвали. А я тебе даже, отчасти, благодарен. Зная твою любовь к России, я понимаю как ты «скрипел сердцем», когда, обозвав Виктора Иваном, нигде это не обыграл, в том смысле, что вот, мол, «Наш русский

Иван закончил ВГУЗ» – Тем более, что переименованный тобою в «Ивана» Виктор – татарин.

И непедагогично, но утешительно, налил мне рюмочку коньяка.

– Мы что газету делаем? Мы милый ты мой, печатную туалетную продукцию выпускаем. Настоящая газета – литература! А настоящая литература – драматургия! Нет драматургии – нет нерва, события, трагедии – нет и литературы!

В инвентаре редакции числилась гитара, и Юрий Константинович очень ловко мог «урезать под рокот струн». Подмигивая, он пел, пил и комментировал:

«Я опущусь на дно морское!

Я подымусь за облака!

Я дам тебе все – все земное –

Лишь только ты люби меня!»

– Ты – понял? «Что -то слышится родного...» Это же хорошо усвоенный Лермонтов. Это же демон поет! Ты понял?

«Я претерпел все муки ада!

И до сих пор я их терплю!

Мне ненавидеть бы вас надо,

А я, безумный, так люблю!»

– Сечешь уровень трагедийности? А накал страстей, в натуре, осязаешь? Ну, что очаровательные глазки вылупил? Наливай! Вот так газету делать надо! Вот так читателя завоевывать! И тогда народ скажет нам большое, «глубокое мерси». А у нас все больше доценты пишут про проценты! А

зачем хрестьянину про это знать? И куды ему податься? Со своей неизбывной тоской? Тока – в шинок! А с газеткой – тока в нужник!

«Я милого узнаю по походке,

Он носит серые штаны.

Он шляпу носит белую панаму!

Штиблеты (Что ты!) носит на скрипу!»

– Вот где художественный образ! Метафора, аллитерация, елы палы! Это все надо записывать! Это все надо коллекционировать! – стонал от удовольствия Юрий Константинович. – Этому же цены нет! Это – портрет души народа!

Сам он был коллекционер бешеный – собирал экслибрисы, книги, марки, монеты. И говорил мне с гордостью:

Вторая такая марка была еще у капитана Руднева, но она на «Варяге» погибла, а у меня есть!...

Он, одним из первых, начал собирать «перловник» – коллекцию «перлов»: из заявлений, протоколов, писем читателей, объявлений. Частенько он звонил нам в отдел и общал:

– Из заявления в милицию «При желании досмотреть драку до конца, был избит обеими сторонами», или из медицинской карточки мальчика, засунувшего голову в ночной горшок. «Анамнез: голова в инородном теле».

Притопывая носками, до зеркального блеска начищенных, ботинок, насвистывая щербатым ртом, он всегда что-то клеил, выписывал, рассматривал в лупу...

– «А, па де спань есть хорошенький танец!

А, так приятно его танцевать....» – обратите всевозможное маленькое внимание на это фото! Скучная подпись! Это же сплошная бюстгалтерия! А где жечь глаголом сердца людей? Переделать! Юноша, вы же гениальны! А не надо лениться... Лень – ворота всех пороков.

И с хрустом потянувшись, вдруг плеском ладоней проходил по груди, коленкам и столу...

– Именно так! Ритм нужен! Динамика. Раз на площади команда с крейсера – балетное яблочко в белых штанишках... Носочки тянуть, носочки тянуть... У них и оркестр, и ансамбль всего черноморского флота. А у меня такой Тима – безликий, в смысле альбинос. Бушлатик скинул, как дал с носка. Без ансамбля! Сам – бя! Один – бя!... Вот именно! Молодец с огурец, задница в солярке. И сразу трудящимся понятно: где система товарища Станиславского, а где искусство. А в Одессе за «Яблочко» – все специалисты! Там на «понял-понял» не пройдет.

А катерник – пространства с пятачок, друг у друга на башке сидим – мотор, патрубки две торпеды и темперамент! Вот отсюда и ритм, и чечетка...

Дымовую завесу раскинут. Полный вперед! 120 км! Катера веером! Он содит из всех стволов! А мы то – фанера клееная. Иной раз прошивает оба борта, а мы на плаву и скорости не теряем. Главное долететь и кинуть в точку. Выполнил боевую задачу – молодец! И чтобы девушка могла тобой гор-

диться! Торпедные катера – оружие разового пользования!

С крейсера мореманы – ну, просто Лебединое озеро, а катерники народ шустрый, раз два с и на баркас! Вот тебе и ритм.

В День Победы я увидел его в таком блеске орденов и медалей, что у меня в глазах зарябило.

– Двух не хватает. Нет и не будет, – сказал он, сдувая пену с пивной кружки – «Материнская слава» Первой и второй степени. И орден Победы. Хотели мне, но Эйзенхауэр перехватил.

В золоте и серебре я разглядел скромную надпись «За взятие Берлина.»

– А это как же? Вы же катерник!

– Элементарно, Ватсон. Берлин, столица фашисткой Германии, между прочим, расположен на речке Шпрее. А если есть жидкость, хотя бы в стакане – моряк необходим! Дунайская флотилия – слышал?

Это мы и есть. Между прочим, гады своих морячков из Ростока подтянули на оборону логова. Очень мы мечтали их за кадык подержать, но не довелось... Пока на живописнейшем берегу речки Шпрее колючку рвали – пехота их расчепушила. Не сподобились проверить немецкую шпротину на вкус. Хотя была такая лирическая задумка! Но не сбылась мечта поэта! А к рейхстагу на экскурсию ходил. Автограф оставил. Через «Ф» или через «В»?

– Через «В».

– Умный мальчик. Пива хочешь? Напрасно. Там один морячок, между прочим, с Дона, донской моряк или морской казак, в Берлине отца нашел. Остарбайтен. На электроламповом заводе «Осрам». Вот такой интересный факт. У меня, где – то записано, не то Москвин, не то Москаленко. Еще фотография в газете была. «Сыны освободили отцов». Стоят там такие оба. Нареванные! Вот это я понимаю – материал.

Когда у меня вышла первая книжка, Юрий Алексеевич позвонил:

– Большой пионерский салам! Разведка донесла: вы в писатели подались. Доставили вашу нетленку. Зачел! Как говорится: «Каштаны нас в дорогу провожают,

Мальчишки нас толпою окружают.

На нас девчата смотрят с интересом –

Мы из Одессы моряки.»

Вот именно «С интересом»! «Ну, что тебе сказать про Сахалин? У нас стоит хорошая погода!»

Испытываем чувство законной гордости. Стал быть, незря ты в очерках фамилии перевирал! «Осущаю глыбокое удовлетворение». Местами. Дерзай! Глядишь и научишься.

А я всегда, всю жизнь, чувствую благодарность и горжусь тем, что «пошел в литературу» с рук «катерника». «Камикадзе Морфлота!» как именовал он себя сам. Героя и мученика Великой Отечественной.

Морпехи

Григорий Поженян

Он был похож на боцмана. Усатый, пузатый, широкогрудый. Известный поэт, кинорежиссер, поставивший, когда – то очень популярный фильм о моряках и об обороне своего родного города – Одессы – «Жажда», приехал в писательский дом творчества в Пицунде и сразу пошел купаться. Было тепло, но волна била, как следует. Поженян метнулся в волны, широкими саженками легко отмахал от пляжа и там стал качаться на волнах, как морская круглая мина. Я знал, что он черноморский моряк, морской пехотинец и пытался разглядеть в этом грузном немолодом человеке мальчишку в бескозырке, полосатой тельняшке, бушлате и черных клешах заправленных в сапоги. «Шварцтодт» – «черную смерть» как звали морскую пехоту немцы. И у меня ничего не получалось. Слишком импозантен и по – писательски колоритен он был. Он говорил о войне ярко, подробно, а главное, точно, как может говорить человек, который все это испытал сам.

– Знаешь что самое страшное? Высадят ночью разведгруппу на пляж – за пляжем берег высокий черный, оттуда прожектора шарят... А пляж в колючке и заминирован. И вот стоим, как столбы – замерли... Кто первый шагнет! Кто первый подорвется? Кто до темноты под берегом добежит?

Самое страшное ждть у кого нервы не выдержат. Страшно,
брат...

Невский пяточок

(Дмитрий Каретников, лейтенант морской пехоты. Балтийский флот)

Про Невский пяточок слышал? Земли сантиметра нет – все железом накрыто.

Там народу перемололи больше, чем на всем Ленинградском фронте.

Ночью от Невской Дубровки на понтонах переплыли. Половина на дно. А с выкладкой, с боекомплектom – сразу под воду. Без звука и не барахтались. Думали: самое страшное переплыть Неву. А самое то страшное – впереди. Сразу с берега в атаку пошли, и как раз на пулеметы.

Минут через пятнадцать от нас рожки да ножки. А тут к пулеметам минометы подключились. А выбито все как на столе после пьянки. Деваться некуда! А он шпарит огнем. Так, чем спасся?!

Рядами и кучами горы трупов лежат. Наших. Я сначала за такую гору залег. А он как начал бить по площадям – то есть разрывы мин и спереди, и сзади, и с боков. Уж не знаю, как я под эту гору залез и только слышу, как в трупы осколки шмякают. Целый день под трупами лежал. Обстрел то ни на

минуту не затихает. Если бы не покойники – хана. Вот так мертвые спасали живых. Ночью стихло чуть-чуть. Вылез, оттянулся к нашим. Там траншея была. Норы такие железом разным накрытые. Целых двое суток немцев отбивал. Пытались в контратаку вставать – не дает! А места топкие – танкам не пройти – тем и спасались, а так бы он нас в Неву сбросил. Артиллерия, конечно с того берега поддерживала... На третий день меня ранило. И поволокли на лодке назад в Невскую Дубровку. И еще половина на дно. Так что я, считай – три раза уцелел. И видишь седина – вот не на висках, а тут, на темени – хохол, будто краской белой мазнули... Это с памятка с Невского пяточка... С тех трех дней. А было мне девятнадцать лет.

Но мы свою задачу выполнили. Оттянули на себя немцев. И держали. Вперед идти нам возможности не было. А держали, как псы! Знай морпехов! Они, небось, так стоять не могли. Когда мы их в Кенигсберге достали, у них много как лучше укрепления были, чем на пяточке, а сдались! Кишка против нас тонка!

Но тяжело было. Тяжело. Однако прорывать блокаду почти, что от Невского пяточка начали. И прорвали. Правда, почти через год. Даже больше. Ранило меня в октябре 41 го, а прорывать блокаду пошли 12 января 1942 го. По льду. Я уже и второй осколок получил за год и опять подлечился. В первом эшелоне через Неву на Марьино шел. Блокаду здесь прорывали мы – моряки. Морпехи!.

Усиленный лед

Я знал о том, как шла через Неву морская пехота и курсанты морских военных училищ, прорывать блокаду. Мне виделись их черные шинели и шапки ушанки и ботинки, вязнущие в снегу. Я даже написал песню. И пел в концертах:

Ах вы , тоненькие мальчики в шинельках черных,

Строчные, рядовые – плохо обученные.

Как вы шли, как шли цепочкой тоненькой...

По винтовке на троих – врагам на смех...

И на белый снег вас покляли всех

Черной ленточкой на белый Невский снег...

Однажды в зрительном зале на моем концерте закричал – зарыдал какой-то седой человек, с пустым рукавом: «Я там был! Я там был!»

И мне стыдно, потому что я этим гордился. Особенно стыдно – потому, что сочиненное мною – вранье! Моряки, действительно, погибшие в большинстве своем при прорыве блокады, шли совсем не так! блокада под Марьино, прорывалась совсем иначе, чем я себе представлял. Об этом рассказал Доктор физико – математических

Евгений Петрович Чуров

В 1942 году выпускник

ВВМУ им. Фрунзе.

– Без танков немецкую оборону не прорвать, это было ясно. Значит нужно каким-то способом доставить на левый берег танки. Нас четырех лучших математиков училища посадили техническое обоснование обсчитывать. Вроде все обсчитали. Получается, но только при наличии усиленного льда. То есть, лед нужно чем – то накрыть, вроде как арматура – наполнитель, и сверху еще льда наморозить.

Ну, и естественно, по морской традиции, если это наш проект – нам его и исполнять. Вечером подвезли на правом берегу такие вроде короба из бревен клетки и солому. Начали выдвигать эти короба на лед в них солому и рядом солому на лед и водой сверху. А мороз под сорок – сразу схватывает. Метель метет. Прекрасно! Мы вчетвером на самом острие этой гати: берем – укладываем, берем – укладываем, дальше на солому воду помпой качают. Морячки на морозе бушлаты скинули – дымятся. Метель, Слава Богу! Выложили под самый берег. Переправа парит – вода замерзает. Успеет схватиться – не успеет?!

Под утро ветер не стих, а метель улеглась – поземка по льду метет. Рассвело.

И тут немцы – как дали! И наши – из всех стволов!

А с того берегам по нашей гати валом моряки. Их осколки косят, но все равно валом идут. И за ними по гати – танки. Мы стоим, замерли – пройдут не пройдут... Так и кажется, что провалится лед – танки только пушками мелькнут. А они валят прямо по убитым! Им же с гати ни в лево, ни в право! Первый проскочил, с той стороны еще идут! Ползут, пушками качают... Морпехи прут и по дороге, и по льду. И двумя черными ленточками вдоль нашей дороги ложатся:– голова – ноги, голова – ноги. Между ленточками наша дорога цвета клюквенного киселя – флаг такой – с двумя траурными каемками.

Первый танк на берег залез, второй ...

Не помню, кто сказал:

– Ну, теперь все!

Тут нас и накрыло! Николая в руку, мне в живот осколок! Уже в госпитале, в Вологде, узнал, что блокада прорвана. Нам все четверым ордена дали и по звезде на погоны. Но я уже вернуться на флот не смог – не годен. Пришлось заниматься математикой.

Мы с тех пор каждый год вчетвером встречаемся 12 января. В наш главный день.

Война

Виктор Алексеевич Федоров

(воспоминания блокадного мальчишки)

22 июня 1941 года было воскресенье. Мы с тетей Верой поехали за город в Пушкин. Там узнали, что началась война.

Началась страшная паника. Все кинулась на вокзал. Народ брал штурмом вагоны, стараясь уехать в Ленинград. Доехали мы благополучно. Дома ждала расстроенная мама. Жили мы на проспекте Обуховской обороны около сада имени Бабушкина. Все взрослые были очень расстроены, а мы, ребята, думали, что война быстро закончится.

Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, враг продолжал лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность. Как мы знаем, блокада началась в сентябре 1941 года. Это было неожиданностью для нас.

Начались тяжелые дни для людей нашего города. Сгорели Бадаевские склады с продовольствием. Самые тяжелые годы были 1941-1942 включительно.

Люди начали голодать, опухать от голода, умирать.

Карточки

Однажды, я зашел к деду и бабушке и прилег отдохнуть. Через некоторое время зашла мама, и мы стали собираться домой. В это время я обнаружил, что у меня пропали продовольственные карточки. Я спросил бабушку, не брала ли она их, но она сказала, что, наверно, я их потерял. Расстроенные мы ушли домой. В то время, оставшимся без продовольственных карточек, грозила неминуемая смерть от голода.

Через месяц после этих событий пришел дед и сказал, что бабушка умерла. Мы с мамой пришли к ним, чтобы похоронить ее. И когда мама подняла подушку, там оказались наши карточки. После этого мама сказала деду, что хоронить не будет. И мы ушли.

Через два дня дед пришел к нам и попросил, чтобы я отвез бабушку. Я положил бабушку на санки и отвез ее в церковь, которая находилась на месте станции метро Ломоносовская. Там собирали всех умерших.

Люди умирали прямо на улицах. Мы с другом Колькой стояли в очереди за хлебом, и когда очередь стала двигаться, он упал и умер. Я привез его домой. Его мать тете Настя заплакала и сказала, чтобы я отвез его в церковь. Потом я много отвозил умерших.

До войны мы жили неплохо. У нас были неплохие вещи и благодаря им, мы выжили, когда бабушка украла у меня карточки. Мы вещи меняли на продукты. Я сам менял теплые рукавички на продукты.

У нас была соседка Мария Ивановна. Один раз я зашел к

ней – она жарила лепешки из детской присыпки на вазелине. Я попробовал, и мне понравилось.

В саду имени Бабушкина стояла кавалерия.

Во время обстрела в комнату деда попал снаряд, и деда убило. Я тоже отвез его в церковь.

Мы часто с ребятами дежурили на крыше во время бомбежки. Мы с другом погасили две зажигательные бомбы. Одна бомба разорвалась около нашего дома. Были выбиты все стекла, и пришлось окна заделывать досками.

Моя мама работала на заводе им. Ленина, там давали доп. пайки. Один раз, когда я там был, наши летчики сбили немецкий самолет. В этот день был большой налет и мы с трудом с мамой ушли домой.

Отец

Время было очень тяжелое. Взрослые записывались в ополчение. Мой отец Федоров Алексей Антонович и двое моих дядей записались в ополчение. Их отправили в район завода «Большевик», где собирались все ополченцы и пошли они в сторону Рыбацкого. Мы с мамой проводили их и вернулись домой. И началась блокадная жизнь.

Несмотря на блокаду, мы, дети, пошли учиться в школу на Ивановскую улицу. Когда возле школы взорвалась бомба, занятия отменили. Мы, ребята, помогали взрослым, чем могли. Дежурили на чердаках, помогали ловить ракетчиков.

Однажды, соседки пришла к маме и сказала, что в госпитале много раненых ополченцев. Мама поехала в госпиталь и нашла отца. Он был ранен и лежал там. Она привезла его домой, и он был у нас, пока не поправился. Спал он у нас на плите. На самом теплом месте.

После этого он ушел в часть, которая стояла в селе Рыбацком. Мы ходили в Рыбацкое навещали его там, пока их не отправили на фронт..

Я пошел работать

В конце 1942 года я устроился учеником монтера на 5-ю ГЭС и стал там работать. Ходили на работу пешком. Это почти 8 километров.

Когда я пришел в цех меня коллектив встретил очень радушно. Бригада наша состояла из 7-ми человек. В ней были спайщик Осин Борис, Михайлов Виктор и другие товарищи. Через полгода я работал дежурным монтером. У нас на телефонной станции работало 9 телефонисток. Они тоже работали в смену.

При артобстрелах и бомбежках часто выходили кабели из строя, и нам приходилось их восстанавливать. Мы очень старались. Однажды после очередного ремонта кабеля, мы устроились в траншею отдыхать. Мастер Попов увидел, что мы там находимся и сказал чтобы мы шли в район станции. Когда мы оттуда ушли, в эту траншею попал снаряд, а мы все остались живы.

После этого меня направили к мастеру Китаеву на аккумуляторные дела и обслуживание электрочасов. Меня послали в Ленэнерго, где я проходил курс обучения. Там были хорошие мастера.

Еще мы занимались зарядкой аккумуляторов. Около станции стояла зенитная батарея, для которой мы заряжали аккумуляторы для приборов. Я часто ходил на эту батарею и

носил туда аккумуляторы, где меня подкармливали.

Кроме того, к станции подходили подводные лодки, где мы тоже заряжали аккумуляторы. Мы часто ходили на задний склад, на погрузку торфа, где нам давали стахановские талоны на питание. Еще мы ходили в совхоз «Красный Октябрь» и там помогали совхозникам.

Рыба

Однажды нас вызвали в комитет комсомола и спросили, кто умеет работать на веслах. У моего деда была лодка, и я умел управлять лодкой. Мы думали, что нас возьмут на флот. Но нам предложили ловить рыбу – корюшку. И мы ловили для рабочих станции.

5 –я ГЭС

Станцию часто бомбили. Это была единственная станция, которая работала на торфе. Некоторые снаряды попадали в Неву. После бомбежки вся Нева была белая от рыбы.

На станции работали люди – герои, чтобы давать электроэнергию для города. Они работали по 12 часов. Как известно, станция была построена еще до войны немецкими инженерами и немцы знали все ее объекты. Частые обстрелы не давали нам работать. Несколько снарядов попали в котельную и в машинный зал. А один снаряд попал в пульт управления.

Когда были сброшены две авиабомбы весом каждая по одной тонне, станция остановилась.

Приехала комиссия и определила, что есть трещины фасада станции. Приезжал сам Жданов и было принято решение станцию запустить! И мы продолжали работу.

Моя мама на войне

повесть в рассказах

Лишенка

Конечно, я медсестрой быть не собиралась. Певицей хотела стать и способности, говорят, были большие. Голос, внешность... Но, ведь – лишенка. Папа – священник, да еще из казаков. «Лишенные прав, чуждый элемент». Ни учиться, ни работать. Все двери закрыты.

Боря – брат Сталину письмо написал. Это отдельная история. Так его служить в армию взяли, в училище военное попал. Но, он 1904 года рождения – успел гимназию закончить. А я на пять лет моложе, меня уже отовсюду выгоняли. Чуждые. Вот интересно: уголовники назывались – «социально близкие». А интеллигенция, духовного звания, дворянство, купцы, казаки – «чуждые»... Ну, в общем, так то оно, в сущности, и было.

В двадцатом году в станице – голод. Привезли американскую помощь. Американец к нам в школу приехал – розовый такой, в очках. Добрый – предобрый, видать. Глазками близорукими под очечками помаргивает. Ну, как Пьер Безухов. Толстый такой, большой.

Увидел меня – заморыша, за руку взял, к сундукам своим подвел. Выбрал самое красивое платье – голубое с лентой,

как раз мне под цвет глаз. Велел мои лохмотья скинуть. А у меня одежка – из занавески сшитая. Крестная соорудила. Велел новое платье надеть. Оно мне как раз, как влитое. И шло очень. Американец все ахал да приговаривал: «Гуд, Гуд, Вери гуд». И ручкой на прощанье помахал: «Мол, иди домой обрадуй папу с мамой».

Квартала от школы не отошла – догоняет меня десятиклассник – комсомолец.

– Снимай! Это не вам буржуйам недорезанным. Лишенцам! Это пролетарским детям!

Прямо тут, на улице, и раздел. Хорошо я свое платьишко не выбросила – домой несла, мало ли, мол, пригодится, так было бы во что переодеться. А то бы так в панталонках самодельковых, по улице бы и сверкала. Казачка! Дочь священника!

Я даже не плакала. Только с неделю у меня глаза горели, будто их наждаком натерли. Очень жалела, что меня папа с мамой в этом американском платье не увидели.

Так что, о том, чтобы петь – я только мечтала. В церкви пела, но ее закрыли. Потом в кружки хоровые ходила – выгоняли. В Москве в консерваторию отважилась – пошла. Спела – понравилась. Но музыкального образования нет. Нужно, сначала музыкальное училище кончить. А там как документы увидели, и слушать не стали... Лишенка.

Из станицы уехать удалось. Мамин брат, дядя Володя, помог. Но работы то нет. Я уж и нянькой, и портнихой... И на

завод пыталась поступить, и метро строить – не берут.

А тут и дядю Володю, куда –то из Москвы перевели. Мне и жить негде. Взяла я чемоданчик свой, пошла на бульвар, как раз напротив церкви Никольской. На скамейку села и сижу –замерзаю. Плачу да молюсь:

– Никола угодник, заступник, помоги... Я смерти не боюсь, вот сейчас усну и не проснусь. Только папу с мамой жалко.

И уж совсем заоченела. Вдруг меня какая-то женщина за плечо трясет.

– Проснись? Проснись! Замерзнешь....

Притащила меня к себе домой. Ангел мой, спаситель – Мария Сергеевна. Она с сестрой Варварой Сергеевной жила – обе сестры милосердия еще с первой мировой войны. Отогрели, накормили. Уж какими правдами-неправдами, а на работу меня устроили в больницу. Сначала санитаркой, потом – курсы медсестринские закончила – стала хирургической медсестрой в гнойном отделении.

И жила я у них пять лет. Пока Боря – брат капитана не получил, да его в Ленинград служить не перевели. Да папа – умер. Вот он нас с мамой к себе и перетянул. Как ему это удалось – не знаю. Как раз под самую Финскую войну, да под блокаду.

Я все мечтала певицей быть. Все – то в хор, то в кружок какой... Думаю, вот стану певицей, про медицину и не вспомню. А вот уж сорок шесть лет – медсестра. И самое мое это

дело. И родилась, видно, я для того, чтобы сестрой милосердия быть.

И вот удивительно: мне сейчас кажется, что я всегда знала, что сестрой милосердия буду. В Гражданскую войну у нас прямо в станице бои шли. То белые, то красные. Один раз даже так получилось, что одна сторона улицы белые – а другая красные.

А папа брал крест выносной, поднимал над головой, чтобы стрелять перестали, и на улицу выходил с женщинами – раненых собирать. И всех несли к нам в сад. Так в саду под яблонями и лежали рядами. Сад белый в цвету, и они все в белом, в рубахах, в кальсонах, в бинтах...

Я им пить носила. Кто мог из чашки, а кто – только с блюдечка. Помню, на блюдечке кровавая подковка от губ осталась. След. Я боялась отмывать. Папа отмывал. Отмоет, нальет чайник:

– Иди, доченька. Иди, я тебе по силам воды в чайник налил – не полный. Поднимешь. Ступай, моя хорошая, ... Они пить хотят. Страдают. Помогай, доченька.

Вот когда моя первая медицинская служба началась, конечно, я тогда этого еще не понимала... Я тот след кровавый на блюдечке – всю жизнь помню. Это мне такой знак был. Это моя судьба.

Сначала была Финская

Не правда, что война началась внезапно. В том смысле, что про 22 июня никто из, так сказать, простых смертных не знал, это – конечно. Что вот именно в этот день грохнет,... А так – войны все время ждали. Ощущали ее приближение постоянно.

Я помню у Бори – брата, еще до Финской, спросила:

– А правда что война будет?

А он мене к карте подвел, у него в комнате во всю стену карта висела, и говорит:

– Сама смотри. Вот, вот, вот... – руку на карту положил, большая рука крепкая, загорелая,... – пальцы развел – Видишь ... И это все на нас.

Кстати, я запомнила, как его рука на карте лежала – так потом по этим направлениям немцы и пошли. Все точно. Так что войну, можно сказать, каждый день ждали. Боря поэтому и не женился.

Как – то маме – твоей бабушке – говорит:

– Какая женитьба! Я же – командир. Рассудим трезво. В случае войны, я – в первые две недели – в бою. Возможность уцелеть – минимальная. Зачем сирот оставлять.

А потом ведь мы жили в военном городке. Тогда совсем другая жизнь была. И командиры – другие. В неделю раза три боевая тревога. Только, бывало, уснем... (Боря приходил

из казармы поздно). Никогда сразу спать не ложился. Все читал, чертил что-то, учился, учился...

Загляну к нему – он за столом сидит. Лампа под зеленым абажуром светит – круглый такой абажур стеклянный... Рубаха на нем белая широкая, галифе. Он худой, мускулистый, жилистый. До войны все поджарые были, а командиры прямо налитые мышцами. Но не так как нынешние культуристы – таких дутых бицепсов не накачивали. Сухие все, крепкие...

Тогда, вообще, толстые в редкость. Один Алексей Толстой – писатель. Я, когда в Пушкине работала в санатории для нервных, а он там, в Александровском дворце, жил, так к нему наши медсестры ходили – массаж делать. Говорили, совсем он от ожирения заплыл. А я вот недавно в кинохронике тех лет его увидела – ничего не толстый. И Черчилль тоже не толстый. Разве такие толстые бывают! Просто тогда все худые были. Вся страна. А уж про армию и говорить нечего – все военные – физкультурники.

Так вот он сидит за столом. А у кровати на табуретке – в четком порядке: гимнастерка, фуражка, рядом сапоги начищенные, портянки...

Тревогу всегда по шагам было слышно. Только уснем. Сквозь сон, слышим, посыльный вверх по лестнице бежит, сапогами топает через ступеньку. И в дверь – бах-бах бах: – Товарищи командиры, – боевая тревога! Тревога! Он еще в соседнюю квартиру стучит, а у нас уже из всех

комнат офицеры выскакивают – португепи застегивают и по лестнице вниз: топы – топы – топы, ... Горохом! Бегом!

А когда Финская началась, тревоги не было. Боря пришел из части, по зимнему, в шинели, в валенках. Не раздеваясь, ко мне в комнату зашел. Сел на край кровати. А я все поняла, даже ничего не спрашиваю. Молчу, словно дар речи потеряла, только смотрю на него. Он из моей тумбочки икону достал. Она у меня под книгами лежала – папино благословение. Повесить то нельзя! Как же! Сестра красного командира и такой пережиток! Боря на икону перекрестился, приложился, потом меня поцеловал. В дверях еще раз повернулся, меня издали перекрестил и пошел...

Я на улицу вскочила. Ни огней, нечего! Ворота в расположение части тихо, без скрипа, открываются, оттуда грузовик с бойцами и с пушкой на прицепе, выехал. Поурчал, ушел... Закрылись ворота. Минут через пять – второй грузовик с пушкой, ... Потом, третий, четвертый, пятый, ... Я, когда ворота открывались, туда заглянула – длинная колонна машин стоит. Фары погашены. В какой машине Боря – не узнать. Так до утра, потихонечку, по одной машине и выезжали. А уж утром по радио объявляют: война с белофиннами. Началось... И после, уж почти без перерыва, до дня Победы...

Доброволец

Я тогда только что курсы повышения на хирургическую медсестру закончила. Работала в санатории военном в физиотерапии, Боря, брат, устроил. Финская началась, я всю ночь у ворот простояла, под утро домой пришла – ничего делать не могу, и сна не в одном глазу. Думаю, как же так? Боря пошел на фронт, а я как же тут? Что мне тут делать одной? Тогда ведь еще старые понятия были. Так я при брате, а без него как же?

Утром, в тот день я во вторую смену работала, взяла документы и поехала в военкомат. Там народу много, все возбужденные такие – молодежь, в основном. У кабинета очередь – «Запись добровольцев». Моя очередь подошла – захожу. Там человек десять военных. Пишут, даже голов не поднимают.

– Фамилия?

А я все боюсь, что про социальное происхождение спросят и выгонят, как всегда.

– Профессия?

– Закончила курсы хирургических медсестер.

– Давно работаете?

– В медицине семь лет.

– Возьмите предписание. На первом этаже получите обмундирование. Как обмундируетесь – завтра утром в тридцатый кабинет за документами.

А я маленькая – мне все велико. Кое-как подобрали шинель, сапоги, юбку, гимнастерку и целый мешок вещей. Никогда у меня сразу столько новых вещей не было. Тогда же с вещами такая скудность. Каждая тряпка в цене. Одно платье сто раз перелицовывали да перешивали. А теперь и слова то такого не знают «перелицовывать». Еле я этот мешок с одеждой домой доволокла. Шить то я умела, портнихой работала. Все подогнала по фигуре. Еще успела в парикмахерскую забежать – косы отрезала. А то, как с косами шлем надевать? Ну, такой, – буденовку. «Кипит наш разум возмущенный» В зеркало глянула – красноармеец!

В военкомат явилась, в тридцатый кабинет. На меня глаза вытаращили.

– Мешок то зачем?

Я говорю:

– Как же? Ведь на фронт.

– Посмотрите ваше предписание. Больница им. Мечникова.

– Но я на фронт, я за братом...

– Там и есть фронт. Прочитайте присягу. Распишитесь. Сейчас машина пойдет туда и вы с ней.

– Мне бы на работу сообщить...

– Работа для вас кончилась! Теперь началась служба.

– А стрелять, маршировать, курс молодого бойца?

– По ходу дела. Вы же специалист? Военфельдшер. Маршировать – не велика наука, освоите. Поезжайте скорее. Нам

названивают – медперсонала не хватает. Раненых полно.

Я как в «Мечниковку» приехала.

Боже мой, ... Полуторки колоннами идут и в каждой впо-валку и раненные, и обгорелые, и обмороженные... Бои то рядом – за Сестрорецком. Стрельбу слышно.

Ну, я доложила. И сразу в мясорубку. Поверх шинели халат, и на сортировку. Через три недели только узнала, что я – младший лейтенант. Когда жалование дали офицерское. А так ничего я в этих кубарях – шпалах не понимала и не понимаю. Погоны еще кое- как разбираю, так ведь нам их только в сорок третьем дали. А так все кубики, петлицы – уж и не помню. Да не до них! И у нас все врачи в халатах – знаков различия не видно! Через шесть недель – дали сутки выходных, разрешили домой поехать – поспать. Я эти сутки спала, как бревно, не раздеваясь...

Через «Мечниковку» всех раненых с Карельского пере-шейка везли. И я все ждала, что вот Борю привезут, вот при-везут... Вот – командир, вот – похожий... Нет, не он, ... И это не он... Все боялась, что в обморок брякнусь. Вдруг он без ног или слепой...

Его привезли, в ногу раненного. Осколок. В «Мечников-ку» привезли! Так ведь надо же! Как раз – в эти сутки, что у меня выходные. Без меня привезли. Обработали, и сразу в военный госпиталь на Суворовском. Я после войны узнала. Письма то он, конечно, писал, но там обратный адрес – по-левая почта. А кто его знает, где часть с этой почтой? Так я

его и пропустила.

За всю Финскую всего одни сутки увольнения дали – когда Борю привезли. Ну, не специально же! Это меня Господь пожалел. Отвел...

«Траншея не Чека»

Финскую войну – Отечественная как-то заслонила. Даже говорят: «Зимняя компания». А какая там компания – война самая настоящая. Столько там наших накрошили!

Я то ничего не понимала, но слышала, как между собой врачи разговаривали. А в Мечниковке врачи были замечательные. Еще с опытом первой мировой. Я вот очень хорошо представляю, каким был Пирогов. Ну, не внешне, конечно, а вот по врачебной хватке. И нечего они не боялись – потому что уже война.

Помню двое, курят на улице у входа: один старший врач, в сортировке, а второй – хирург. Оба седые, подтянутые, стеклышками очков поблескивают. В кровавых халатах, как мясники. Один говорит:

– Вот как это прикажешь понимать? Почему столько обмороженных? Что ж мы зимой не воевали? И, к примеру, буденовка эта чертова. Нелепая, неуклюжая. Летом в ней жарко, зимой – клапана под подбородком застегнул – во первых, по овалу лица не подогнать – завязки нужны, а не пуговицы, а во вторых, у висков, изволите видеть, образуются две щели – туда и свистит. Что ж подшлемник, что ли вязаный под нее надевать? Для вшей? Подшлемник, суконный шлем, поверх еще башлык какой-нибудь – боец, вообще, ничего не слышит! Бред какой-то. А эти грелки химические. Ну, вот эти

в банках. Две банки соединил, в штаны засунул и грейся... И ведь не жалко денег на такую чушь! Задница – пылает, а руки мерзнут. Отогрелся – потный. Да на морозе! Просто вредительство какое-то. Финские шапки видели. Собственно, какие они финские – у нас такие же – малахаи. Так ведь финны тот клапан, что у нас для красоты надо лбом, сзади под воротник опускают. То есть, носят шапку, как бы, задом наперед. Смешно, черт побери, но логично!

Шинели до пят! Помнишь, как у нас в 16 году все шинели обрезали? Суконная куртка и ватные штаны! Вот! Или еще лучше телогрейка. Бушлат, и не длинный!

– А ты автомат их видел? «Суоми». Вот она новая концепция. Не винтовка, а вот такой автомат. А мы все пуля – дура, штык – молодец. В гражданскую решали пулеметы.

– Расход патронов большой...

– Эту песню мы слышали! А солдат бабы новых нарожают! Меньше бы лозунгов писали, и парадов устраивали! Демагоги. А люди головы кладут!

– Коля... Ко- ля...

– А я не боюсь! И уверяю тебя, ничего теперь мне не делают... Сезон не тот! Теперь кому – то воевать нужно! А, как известно, от древнего Рима – из палачей бойцов не настругаешь. Траншея не ЧК!

Конечно, они сильно ошибались. Еще какое Чека на фронте работало! И доносили, и клеветали друг на друга, и под расстрел подводили!

Я тогда эти слова хорошо запомнила. И всю войну меня никто ни раз не попрекнул, что я – лишенка. А потом, Слава Богу, это слово и понятие вообще как-то позабылось... Ты, наверное, его и не слышал никогда. А ведь это судьба моя поломанная, в одном слове.

Такая работа

Финская война кончилась в марте. Но для нас почти, что ничего в марте не изменилось. Как везли раненых, так и продолжали везти. А везли то тепленьких, еще в первых повязках. Фронт то рядом! Возбужденные, еще в горячке боя.

Выборг продолжали штурмовать и после подписания мира. Наши хотели доказать, что всю Финляндию взять могут. Линию то Маннергейма прорвали! А финны доказывали, что могут еще воевать сколько угодно. А головы то летели!

Помню одного привезли – вместо лица – месиво кровавое. А уже все – мир подписали. Говорит: знали что мир, но снаряды в стволах. Придурок командир:

Огонь! Не пропадать же снарядам.

А финны ответили! Да прямо по батарее. И всех всмятку! Этого сожгло всего. Он только кричит:

– Глаза целы? Все стерплю, скажите только – глаза целы?

А что там разберешь – кусок мяса вместо лица. За руку поймал, уцепился.

– Сестрица, ну хоть вы скажите! У меня неделю назад сын родился, неужели я его не увижу!... Посмотрите – глаза целы?

Я стала его потихонечку обмывать перекисью. А у него с головы вся кожа сорвана и прямо лоскутом со лба на глазах лежит – закрывает. Взяла пинцетами за край, говорю:

– Терпи! – и тихонечко кожу эту приподняла.

– Вижу! – кричит – Вижу, сестра, вижу тебя! Глаза целы!

– Не плачь, не плачь – тебе плакать нельзя – разъест все...

– Я не буду, я хоть что, теперь, стерплю... Спасибо тебе,

спасибо, добрая душа!

Ну, вот хоть одному радость! А то все ампутации, ампутации... Меня в хирургию перевели. Хирурги – золотые! Все пилят, пилят руки – ноги. Целые мешки. Черные такие клеенчатые... Не знаю потом куда их девали. Подхоранивали, наверное где –то. А может, жгли...

В общем – роздыха не было. Мир так и не почувствовался.

А ребята то все молодые отборные, рослые. В Отечественную такие редко были, там попадались и меньше меня! Со всем, по виду, дети. Ростом меньше винтовки.

Помню, лежит один. Руки раскинул – как раз, неверно, мой рост по сантиметрам. Он когда на ногах стоял никак не ниже двух метров был. А ног то нет. Две культи сантиметров по десять. И он умирает. Потому что ему на горшок то не сходить – у него все спеклось с кровью, с гноем, и опоры то нет. Я говорю сестрам:

– Девочки, ведь он умрет. У него же отравление идет. Прободение кишечника может быть.

– Мы ему слабительное давали!

– Да какое, говорю, тут слабительное!...

Позвала двух санитаров постарше, крепче. Они его подняли. А я резиновые перчатки надела и ему клизму. Одну,

другую, да и прямо руками! Из него сначала, буквально, камни с кровью, а потом как хлынуло! Меня и санитаров с ног до головы! Буквально, ведра два... А и не противно ничуть! Обмыли его, положили. Он глаза открыл и одними губами: «Спасибо!»

В коридор выхожу во всей красе! Профессор – хирург, зав отделением, меня увидел. А мне неловко, что я таком виде. Посмотрел и говорит.

– Сутки увольнения. Отдохните, Женечка.

Я и не знала, что он мое имя знает. Мне рассказывали, он потом говорил, что только одну такую сестру милосердия, еще в первую мировую видел. И стал со мной первым здороваться. Один раз идет мимо – раз мне в карман халата плитку шоколада!

– К сожалению, медалями не распоряжаюсь.

Вот бы с кем мне работать! Но у него свои хирургические сестры были. Пожилые. Опытные. Они так кучкой и держались. Не знаю их судьбы потом. Вроде они все так в Мечниковой в блокаду и работали...

В самом конце войны стали финнов привозить раненых. Мужики как мужики – ничем внешне, от наших не отличаются. Что финн, что русский, без формы – одинаковые! Белобрысые, голубоглазые. Правда, характеры разные. Говорят, один требовал, чтобы ему не отмороженную кисть руки ампутировали, а руку по локоть. У них в Финляндии закон – вора кисть руки отрубать. Объяснял, что, мол, без кисти

он для финнов – вор, а если не руки по локоть – герой!

Но я думаю это – вранье. Какие там обычаи! Двадцатый век на дворе!

Правда, я сама видела, как подошел парикмахер финна раненого брить. (А тогда война была – конфетка! И ванна раненым, и подарки от шефов (мандарины – шоколад, папиросы «Казбек») и парикмахер, и концерты с артистами из «Александринки» ...) так финн этот белый сделался и руками замахал! Наверно думал, что ему глотку перережут. Все раненные, как загудят! «Мол, мы не вы! Мы над ранеными не измываемся, и раненых не добиваем!»

Я много лет эту сцену вспоминала. Раненых то мы не добиваем! У нас иностранцам хоть бы и пленным – почет! У нас свои – ни во что!

Пленных этих, когда после войны финской стороне выдавали, чуть не в шелковое белье одели. Выбрили, раздушили... А наших, говорят в чем взяли в том они и гни ли, в том и к нам вернулись. Сама не видела, не скажу. Наши пленные к нам не поступали. Их куда то в другое место везли. А потом узнала, что отношение к ним было, как к предателям. Мол, советский боец не сдастся! Не даром на фронте все плена больше смерти боялись! Я думаю, что и к немцам служить шли, чтобы к нашим в лагеря не возвращаться.

Папа

Вдруг телеграмма – папа умер. Сразу как обухом по голове «Как это умер? Тут убивают кругом, а он вдруг умер? Он же в тылу! Как это вдруг: – папы нет?»

Мне сразу по телеграмме – отпуск, литер... За три дня в станицу добралась. Все волновалась, что без меня папу похоронят. Никак понять не могла, как это так, он же еще не старый – шестидесяти нет... Ну, и что ж, что врожденный порок сердца... С этим живут!

Приезжаю – мама, как ледяная стала, заостенела вся. Рассказывает, что папа умер без страданий, во сне. Еще вечером вдруг сказал : – Смерти я не боюсь. Я православный христианин и для меня смерть – это дверь, главное быстрее проскочить. Вот не хотелось бы мне, чтобы меня мертвого женщины обмывали. Я же священник, я их детей в школе учил... Начнут ворочать, рассматривать... Мерзко мне.

Бог его услышал. Он умер после бани. Его не обмывали.

Я приехала, а все, какие то странные. Стариков бородатых полный дом. Во дворе народ.

Хоронить не дают. Говорят: «Он не умер, а уснул». А он и, правда, совершенно, как спящий... Так бывает при инфаркте. Местный врач приезжал – объяснял старикам – ни в какую!

«Давайте, говорит, вскрытие проведем при вас».

Они его чуть не убили: «Зарезать хочешь?!»

И какая-то атмосфера странная. Напряженная. Я уж, на что как безумная сделалась, а вот это напряжение помню. В доме старики, сменяясь, день и ночь псалтирь читают, во дворе возы какие-то стоят с сеном. У нас, отродясь, двор пуст стоял. Начальство все время приезжает. Тихо разговаривают, уважительно. «Мол, похороним с почетом. Оркестр даже дадим. Все за счет артели инвалидов» Папа там последнее время, работал. Еле-еле устроился. Все не брали, как врага народа. Церковь еще в двадцатом закрыли. Девятнадцать лет был без работы. Арестов дожидался. И арестовывали сколько раз. Как не расстреляли?

А старики молчат, как воды в рот набрали. И начальников этих, как только они появляются, плотная толпа окружает, они еле – еле назад к бричке протискиваются. И молчат все.

Я то, дура, не понимаю ничего. И мама ничего не говорит, и не плачет.

Один старичок, улучил момент, когда нас никто не слышит.

– Доченька, – говорит, – ты вон какого почтенного отца дочь, сняла бы ты этот чайник со звездой с головушки. (А я в буденовке.)

– Не могу, – говорю, – я по форме одета. Нельзя форму одежды нарушать.

– Это мы очень хорошо понимаем. Вот ты у них в России в форме этой, поганой, покудова, уж ладно, ходи. А до-

ма то переделалась бы. Эта звезда каинова твоему батюшке в оскорбление... Он, можно сказать, как бы, святой, что ли...

– Да чем же он, – говорю, – святой? Он просто хороший человек...

– Сама посуди, – говорит, – ежели, он усопший, вторая неделя кончается, а запаха нет. Тления то нету! А ты со звездой! Погоди, родная моя, вот придуть наши, мы энту звезду им помянем... Хватить, поглумились! Похоже скоро другая кардель пойдет! Нечо, теперя уж не долго...

Мне прямо дико сделалось. Я уж потом, поняла – немцев ждали. Думали, наверное, что они, такие как в Гражданскую, и белые вернуться. А пришли то фашисты! Уж я не знаю, всего насмотрелась, и совсем от коммунистов не в восторге, но уж немцев ждать! Фашистов! Врагов! А вот ждали!

Хоронить папу не давали, пока из Сталинграда сын одного нашего не приехал – профессор медицины, да не показал старикам, что папа мертвый, вся кровь к спине отлила. Тогда только и хоронили. И вся власть станичная, «головка» – тише воды, ниже травы. Совсем не такие, как в двадцатые годы. «Товарищи, товарищи, извините – простите, спасибо – пожалуйста...»

Я маму забрала и мы в Ленинград поехали. И сама то у брата живу, на птичьих правах, а поняла, что нельзя ее на Дону оставлять. Не знали, что едем под самую блокаду. А и неизвестно, где хуже. В станице нашей немцев не было. Мимо прошли на Сталинград. Но, говорят, такая паника бы-

ла! И всех коммунистов перебили, кто убежать не успел, когда Красная Армия отступала. Одного прямо на площади вилами закололи. А после войны ему памятник поставили. И многие в Новочеркасск ушли. И потом с немцами отступали. Так и загнули неизвестно где. А в тех станицах, где немцы были, так целые сотни из казаков формировались. Говорят, маршировали – распевали «Катюшу», а Отечественную войну иначе как «Вторая война с большевиками» и не называли.

Не немцев они ждали, советскую ленинско- сталинскую власть более сил терпеть не было.

И не только казаки. И в других местах тоже. Мне одна бабка – колхозница в Псковской области говорила – только в 41 году досыта и поели.... Ждали освободителей, а пришли фашисты. И как бы они там золотые горы не сулили, а все равно истребили бы нас всех! И смотрели на них как на освободителей до первой виселицы, до первого расстрела... А потом – в партизаны!

Папу Бог пожалел, и его от страданий увел и нас освободил. И мама стала не попадья – жена врага народа, а мать военнослужащего, иждивенка. Другой статус. Но я это потом поняла. Если бы папа был жив, если в станице остался, его бы обязательно стали казаки к немцам тянуть. Он ведь огромным авторитетом пользовался! А он бы не пошел! Ни за что! Он и Боре говорил: « Всякая власть от Бога. Праведному народу по заслугам, иному – по грехам! И нельзя даже ради самых высоких и светлых идей приводить на родную

землю врага. Со своей земли надобно гнать всех иноплеменных! Надо со своим народом быть!» А народ был на этой стороне, на советской!

Но тогда я четко поняла – будет война! Будет.

Вот и не верь снам

Этот год, что до войны оставался, совершенно незаметно пролетел, как – то мгновенно. Мне хорошо жить стало, потому что мама со мной. Придешь с дежурства – всегда покормит, мне и поговорить есть с кем. А так все соседи, коммуналка битком набитая, а поговорить не с кем – у всех своя жизнь в каждой комнатухе. И все у себя в щелях «шу-шу-шу...». Боялись всего очень – квартира офицерская. Аресты до сорокового года шли.

Нашего соседа майора арестовали за то, что у него фамилия итальянская «Сартори». А он что знал, откуда у него такая фамилия! Не то итальянская, не то греческая, не то неизвестно какая... В тридцать восьмом – ночью забрали. В сороковом – вернулся. Седой весь, худющий... От него на кухне все шарахались. Я с его женой работала – она тоже медсестра. Ее не трогали. Она мне говорит по секрету, плачет:

– Совсем другой человек пришел. Ничего не говорит. Совершенно ко мне, как к женщине, интерес потерял. Ночью глядит в потолок и курит, курит...

Мы с мамой ничего этого даже не обсуждали. Стенки – слышат. Наш Боря – начальник штаба полка. Полк – громадный. По тем годам, сверх современный, гаубичный. Фактически, должность у него полковничья, а он все капитан. Как

пришел в полк капитаном, так и служил в том же чине... В тридцать восьмом из лейтенантов за два месяца командирами полков становились, и все мимо него. Он как примерз к чину....

Я один раз его спрашиваю шепотком:

– Боречка, что ж тебе звания не дают?

А он засмеялся:

– У меня сейчас самое высокое звание и необходимое: –

Живой и на воле.

Мы тогда по Пушкинскому парку гуляли, и никто нас подслушать не мог.

– Все, – говорит, – Женечка, прекрасно! А звания не дают, потому что я не в партии.

– Так, – говорю, – вступи! Какая тебе разница!...

Он засмеялся так нехорошо, зло:

– Нужно, – говорит, – всегда смотреть, куда вступаешь, а то потом отчистится трудно... Да и кто мне характеристики даст? Кто рисковать будет!

– Ты же – лучший офицер в полку! Ты – чемпион гарнизона по верховой езде. У тебя лучшая батарея в округе!

– Мы – классово чуждые.

– Да этого уж никто и не вспоминает!

– Но никто и не забывает.

Мы с мамой каждый день о Боре говорили. Потому что полк его перевели во Псков. А письма к нам неизвестно откуда приходят. Полевая почта. Но почему то мы были уве-

рены, что в полку его нет.

Рассуждаем: если бы он был арестован, то и нас бы таскать начали и письма бы от него не приходили. И главное, все командиры, которые с ним вместе служили и семьи их в нашем доме, все во Пскове – спросить некого. Я в письмах спрашивать – страшно.

А мама говорит уверенно так:

– Он ранен. В госпитале лежит.

– Откуда ты знаешь?!

– Сон видела. Вот на календаре записала. Вижу – будто он маленький совсем и его моя мама – твоя бабушка, покойная, за руку ведет. А он плачет и левая ножка у него разутая, и ботиночек в руке несет, а на ножке кровь.

Бабушка мне говорит

– Ведь это что ж делают! Ведь так и убить могут! Я уж его туда увела!

А через месяц и Боря приехал. Загорелый, черный. Худой-худой, и как на десять лет постарел. С медалью «За боевые заслуги». В военном санатории лечился в Судаке, в Крыму. В левую ногу ранен, осколком! В ту ночь когда мама сон видела! Вот и не верь снам.

Рассказывает, что как его ранило, не заметил. Сидел в штабе полка. А на одной батарее ад кромешный стоит! Финны батарею артиллерией молотят. И так ему не хотелось на эту батарею идти! Но пошел. Пока шел там обстрел прекратился. Он помог остатки батареи отвести и перебазировать.

К штабу возвращается, а штаба нет!

Пока он ходил, финны огонь перенесли и штаб всмятку и всех, кто там был! Если бы побоялся – не пошел на батарею – обязательно бы погиб. В ту ночь его и ранило.

– Всю ночь хожу – что-то у меня в сапоге хлюпает. Думаю, где же это я ноги промочить успел. Вроде нигде не проваливался в болото. Замерзло все ведь! Утром рассвело. Руку за голенище сунул – кровь. И вот тут заболело! Как зуб. Осколки попали. Три. Два вытащили, а один в кость – так там и остался. На рентгеновском снимке, как детский ноготок – полумесяцем.... Борю сразу – в госпиталь. В Мечниковку. Это когда у меня сутки увольнения были...

Депортация эстонцев

Год я еще в Мечниковской больнице работала. Нас казарменного положения перевели, но не демобилизовывали. Вообще, честно сказать, я так и не понимала какое у меня положение. Хожу в форме, а вроде как не военная. Никто военной подготовкой с нами не занимается. Половина врачей – в военной форме, другая – в гражданской. Вроде как служу, а на самом деле – работаю.

Сутки дежурю – двое свободна.

Боря во Псков уехал. Мы с мамой вдвоем. У меня даже свободное время появилось и жалование хорошее, я стала брать уроки пения, у одной бывшей певицы Мариинского театра. Она стала готовить меня в Консерваторию. Конечно, поздновато. Мне уже тридцать лет. Но она меня утешала, потому что у меня – меццо. А здесь не то, что у сопрано – возраст не помеха. И я так была рада, что учусь петь! За мной пытались ухаживать на службе молодые люди, теперь то не шарахались – потому что после Сталинской Конституции 1935 года, вроде все в правах одинаковые. Но мне было не до них! И работа, и пение... Два раза правда ходила в ресторан. В Кавказский – меня один грузин приглашал – замечательный парень. Водолаз. Потом после войны вроде бы адмиралом стал. Очень был в меня влюблен.

Но мама сказала:

– Он – грузин. Конечно, решай доченька сама, но мы – то – казаки. . . Не получится у тебя семьи не с кем, кроме казака. Вот такие мы – уроды. Она права. Мне этот парень был очень симпатичен, а все он как ребенок. Я себе рядом с ним старухой казалась. Он наивный такой. Как октябренок-пионер. Он просил, чтобы я на него замуж пошла, даже плакал. Но я никак себя его женой не представляла. Ну, никак!

А Боря сказал:

– Оно, конечно, замуж то тебе давно пора, но не время семьи заводить. Тут уж если такая любовь, что деваться некуда, а так то, что и себе и другим жизнь ломать.

Я хотела ему сказать: – что ж мне вековухой всю жизнь кулюкать, монастырей то теперь – нет. А потом думаю – вот он же один. И ничего.

А он, словно мысли мои прочитал:

– Не роняй, говорит, себя. Помни, какого ты рода. Про наших предков песни слагались. « Лопухин служил в полку! Курил трубку на боку! Куда трубочка потянет – туда армия пойдет!» – это ведь кто – то из наших с тобой прадедов. Это не про бояр. Это про казаков песня. Вот я тоже Лопухин, и в полку, только что трубку не курю. . . А ведь уж меньше всего собирался быть военным! Так что, Женечка, как у отца на аналое было написано «Никто как Бог. На Тя же уповахом». Господь управит, как ему нужно.

Ну, я и успокоилась. А этот парень – грузин, просто в ногах валяется. Говорит – отец приедет меня уговаривать. Я

прямо не знаю, что делать!

И вдруг меня отправляют в командировку в Таллин.

Сначала вызывают к начальству. Собрали нас – человек пятьдесят в зале. Там сидят чекисты со шпалами, видно в больших чинах. Говорят:

– Товарищи медработники. Вы знаете, что в состав СССР вступила Эстония. Учитывая сложнейшую международную обстановку, близость Эстонии к границам – проводится организованное переселение эстонской буржуазии, как возможных пособников нашему предполагаемому противнику. Вы должны проявить максимальную корректность и бдительность. Процесс это мучительный, но необходимый и от вас требуется сознательность. Ничего сверх сил вы делать не должны – обеспечьте, как специалисты, достойное медицинское обслуживание.

В таллиннских аптеках проводится работа по формированию дорожных аптек – проследите, чтобы в каждом поезде была санчасть, а та, в свою очередь, полностью укомплектована. В городе проявлять максимальную осторожность. В одиночку и без оружия не ходить. Есть случаи диверсий, имеются жертвы.

Приехали в Таллинн. Я в этот город сразу влюбилась! Такой красивый, как из сказки Андерсена. Но гулять то по нему не пришлось. Стали принимать аптеки. И сразу – казус. Хорошо я латынь еще с гимназии помнила и на курсах тоже была латынь. Все аптечки, что нам готовили, собраны вреди-

тельски! Лекарства то те, что указаны, но дозировка.... Скажем, «белладонна» – так желудочное болеутоляющее при язве, а в тех порошках, что нам приготовили дозировка такая, что примешь и, в самом легком случае, – ослепнешь.

Аптекари не знали, что они эти аптечки дорожные для себя формируют! Вот ведь в чем ужас! Вот уж, не рой другому яму!....

Днем и ночь приходилось все аптеки перебирать. Если бы мы их применять стали, не посмотрев на дозировку – никого бы не довезли.

И тут меня Бог пожалел. Я до пункта назначения не доехала. Говорят, эстонскую буржуазию вывозили в Тулу. Во всяком случае, шли такие разговоры.

Мы сформировали санитарные вагоны, нас прицепили к составам. Стали привозить эстонцев. Меня поразило, как они все были хорошо одеты. И как держались! Истерик – никаких. Вагоны – пассажирские, купированные. Это, говорят, потом в теплушки грузили. Слава Богу, я этого не видела! И даже предположить не могу, чтобы со мной сделалось! Мне и так их жалко было страшно.

Вызвали в один вагон – летим с врачом, я с санитарной сумкой. Одному толстому такому – с сердцем плохо. Делаю укол. Нас эстонцы обступили. Нервная такая обстановка. Один с вызовом мне говорит:

– Куда вы нас везете! Вот разве вот этого вы довезете! – И старика выдергивает, а у того волосенки седые над головою,

как нимб торчат, головенка трясется: – Он же умрет! Умрет!

Я как крикну:

– Не трогайте его!

Обхватила этого старика, к себе прижала, по голове его глажу. Плачу. Вот нельзя, знаю, что нельзя, а плачу.

– Вы его, говорю, раньше смерти то не хороните! Никто не знает, от чего вы уезжаете! А вы знаете, если бы мы лекарства ваши не проверяли, какой бы укол вот этот сердечник сейчас получил! Как же вы так! Сейчас, наоборот, вам друг за друга держаться надо...

Могла я им рассказать, как нас в голую степь выселяли, да как папу среди ночи на расстрел таскали, ... Точно бы – сама в зону бы попала! Только успела подумать – на что им мой рассказ! Чего их раньше времени пугать! Что их ждет – кто знает!

Этот старик мне руки целует:

– Спасибо. Спасибо.

А за что – спасибо!

Назад идем. Врач говорит:

– Женя я ничего не видел, ничего не слышал. Но больше ты к больным не пойдешь! Думай о себе!

А мне все равно стало.

Женщины к нам относились очень высокомерно и брезгливо, как к прислуге. Все в брючках, в длинных таких модных жилетах, в дорожных костюмах, с дорогими чемоданами. Я старалась не раздражаться – входила в их положение.

Не меня же вывозят... Нас, небось, так не вывозили. Нас – выводили! Гнали, как скот. Что ж мне им было докладывать, как я им сочувствую! И понимаю. Но что ж я поделать то могу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.